

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДЕПАРТАМЕНТ «Х».
НАНО-УБИЙЦЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Департамент «Х». Нано-убийцы

«Автор»

2011

Самаров С. В.

Департамент «Х». Нано-убийцы / С. В. Самаров — «Автор»,
2011 — (Спецназ ГРУ)

Подполковник Кирпичников узнает, что неизвестные похитили его жену. Вместе со своим сыном Геннадием, капитаном спецназа ГРУ, он вышел на след похитителей и узнал, что жену держат в психбольнице особого типа. Подтянув своих бойцов из Департамента "Х" – секретной спецслужбы, в которой служат люди с паранормальными способностями, – Кирпичников освобождает жену и еще нескольких людей. Оказывается, «пациентам» были вживлены микрочипы, через которые можно было осуществлять контроль и управление людьми. Кирпичников получает новое задание – разобраться, насколько эффективно действует это оборудование...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
1	11
2	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
1	22
2	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	31
1	31
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Самаров

Департамент «Х». Нано-убийцы

ПРОЛОГ

Самолет приземлился в аэропорту Жуковского поздно вечером. Несмотря на большое желание Владимира Алексеевича Кирпичникова – теперь уже полковника, хотя официально еще и не получившего новое звание, – поехать из аэропорта домой, ему пришлось вместе со всей группой подчиниться приказу, который был передан через встречающего группу помощника генерал-лейтенанта Апраксина, и отправиться на базу Департамента «Х», невзирая на позднее время. Время на службе вообще становится понятием относительным, и Кирпичников давно уже привык к этому.

– Генерал ждет, – категорично сказал майор Лазуткин. – Хочет сразу поздравить и услышать, как все происходило¹.

Офицеров пересадили в подошедший к трапу автобус, а с оборудованием остался заместитель командира оперативной группы по хозяйственной части Гималай Кузьмич Слепаков, сам пожелавший наблюдать за перегрузкой оборудования из самолета в грузовик. Бывшему прапорщику ВДВ хотелось проследить, насколько аккуратно солдаты-грузчики будут обращаться с подведомственными ему контейнерами. Против этого Лазуткин не возразил; очевидно, генеральского приказа относительно оборудования не поступало, а взять на себя смелость оставить секретное оборудование без присмотра майор не решился.

Пока грузились, пока доехали до Москвы, наступила ночь. Несмотря на это, уличное движение все еще было плотное, случались даже пробки. Одна из них образовалась на МКАДе – случилось очередное ДТП и движение частично перекрыли. Водитель автобуса стал маневрировать, чтобы проехать по закрытым полосам, что сразу же привлекло внимание инспекторов ДПС. Один из них махнул жезлом, требуя остановки. Ему открыли дверь. Майор в сигнальной жилетке представился водителю и только после этого глянул в салон. Присутствие побоевому экипированной группы заставило инспектора принять стойку «смирно», козырнуть, извиниться и молча выйти из автобуса. Знак его жезла предложил продолжить движение.

В окне генеральского кабинета горел свет, словно приглашая немедленно подняться. Но группа сначала разоружилась, офицеры переоделись, и только после этого все вместе двинулись к начальству. На лестнице их встретил майор Лазуткин.

– Генерал спрашивает, куда пропали... – сердитым шепотом начал выговаривать он.

Кирпичников кивнул в ответ, но скорости движения не снизил, на ходу обдумывая краткий доклад, что должен предшествовать официальному письменному рапорту.

* * *

– Конечно, вы действовали чрезвычайно рискованно, – заключил генерал-лейтенант Апраксин. – Но риск оказался оправданным, и все темные моменты в этой истории удачно прикрыты. За «чистку» особое спасибо. Это вызывало повышенное беспокойство венесуэльской стороны, но придраться, как оказалось, не к чему. В данный момент Венесуэла уже подняла вопрос в международных организациях о вторжении спецназа ЦРУ на территорию страны с целью проведения провокационных действий. Показания пленников подтверждают это, хотя захваченные утверждают, что виноват колумбийский пилот, не туда их высадивший. Они,

¹ Об этом рассказывается в романе «Департамент «Х». Кибер-террор».

дескать, не намеревались пересекать границу, а на территории Колумбии действовали в соответствии со строгой договоренностью с колумбийским правительством. Но намерения в данном случае можно не брать в расчет. Как это обычно бывает, кто первый пожаловался, тот и прав, – а первыми это сделали венесуэльцы. В виновных оказались американцы и колумбийцы, которым предстоит принести извинения. Остается невыясненным вопрос о сбитом беспилотном самолете-разведчике, но американцы заявили, что самолет отслеживал маршруты передвижения караванов кокаиновых баронов. Естественным было предположить, что кто-то из наркомафии имеет на вооружении «Стингеры», одним из которых самолет и был сбит. О нашем присутствии вообще вопрос не стоит. А показания вождя повстанцев Дуку-Доку вообще ставят американскую сторону в незавидное положение... Но там они уже будут разбираться без нас. Мне остается поздравить участников операции с успешным ее завершением, а некоторых офицеров – с присвоением очередных воинских званий. У меня всё. Можете быть свободны все, кроме полковника Кирпичникова. Я распорядился о выделении транспорта, вас развезут по домам.

Полковник сидел в противоположном конце большого стола для заседаний и, когда все офицеры группы встали и вышли, пересел поближе.

– Тебя, Владимир Алексеевич, могу... не знаю уж как, обрадовать или оставить в беспокойстве, поскольку экспресс-анализ ДНК дал отрицательный ответ на идентификацию. Полностью результат, уже безоговорочный, будет дан только через две недели. Говорят, это сложное дело. Но и экспресс-анализ, как правило, в девяноста девяти случаях из ста бывает точным. Значит, жену твою предстоит искать. Сын твой приехал, он сейчас дома. Я разговаривал с ним; какие-то варианты поиска он и сам предпринял, на ноги поднята вся московская милиция. Я со своей стороны дошел с устным докладом до самого возможного для меня верха. Это заставило милицию проявить активность. Иначе, сам знаешь, их не расшевелишь.

Кирпичников слушал с ничего не выражающим лицом и плотно сжатыми губами; выглядел он при этом не усталым, а слегка отрешенным от действительности. Генерал ждал каких-то эмоций, каких-то внешних проявлений желания хоть что-то предпринять, начать активные действия, хотя бы спросить о чем-либо, но Владимир Алексеевич молчал.

– Кроме как на ментов, надеяться пока больше не на кого. Наша система, к сожалению, не предусматривает наличия собственных следственных органов.

– Менты могут найти кого-либо только по случайному стечению обстоятельств, – сказал наконец полковник. – Специально они искать не умеют, даже когда их ежедневно за это трясут.

– Здесь трудно не согласиться, – вздохнул Виктор Евгеньевич. – Но задействовать разыскную систему ФСБ у меня возможности нет. Знаю заранее – мне скажут, что случай не тот.

– ФСБ тоже едва ли что сможет. Разве что их служба собственной безопасности. Но и они сор из избы выносить не пожелают.

Генерал вздохнул еще раз.

– Я понимаю твои чувства, Владимир Алексеевич, и твои мысли, может быть, слегка улавливаю. И даже допускаю, что ты в чем-то прав; но в целом ни ты, ни я не можем утверждать что-либо, не имея никаких фактов на руках. Обвинять без фактов, только на основании собственных подозрений, только потому, что кто-то *мог*, – это не вариант...

– Наверное, товарищ генерал, мне следует согласиться с вами. Тем более что сам я ничего ни предпринять, ни даже предположить не могу. Разрешите идти?

– Иди, Владимир Алексеевич. Я намеревался было дать всем по десять дней отпуска, но тут новая работа намечается, потому на отдых только три дня. Группа ждет тебя, – генерал посмотрел на большой монитор своего компьютера, на который выводилось изображение с камер наблюдения. – Сына твоего я предупредил, он дома. Иди...

* * *

Группа в самом деле дожидалась полковника внизу, в вестибюле, рядом с кабинетом дежурного. На улице, как сразу сказал новоиспеченный полковник Анатолий Денисенко, дожидался микроавтобус, готовый доставить каждого до подъезда.

– Почему не на этаж? – без улыбки отшутился, словно проворчал, Владимир Алексеевич и сразу двинулся к вращающемуся турникету двери. Группа пошла вслед за командиром.

– Отдых только три дня, – сообщил Кирпичников перед посадкой в машину.

– Я хотя бы на неделю рассчитывал, – выразил недовольство майор Старогоров. – Неделя до Нового года, потом рождественские каникулы; отдыхай – не хочу... Для человека непьющего это, конечно, слишком много, но недели бы мне хватило.

– Генерал намеревался дать десять дней – думаю, вместе с каникулами, – но тут новая работа подвалила. Через три дня жду всех выспавшимися, умытыми и побритыми.

– Мне тоже обязательно бриться? – спросила Тамара Васильевна.

Владимир Алексеевич промолчал, не поддержав шутки.

– А что за работа будет? – поинтересовался капитан Радимов, большой любитель задавать вопросы.

– Не знаю. Не «не скажу», а просто «не знаю». Выспимся, и нам сообщат.

Владимира Алексеевича отвезли, как и полагается командиру, первым. Полковник вышел из машины. За ним вышел и Денисенко; тихо, чтобы другие не слышали, спросил:

– Что с Надеждой? – И посмотрел на окна, в которых горел свет.

– Не нашлась. Искать буду.

– А там? – Анатолий Станиславович кивнул на окна.

– Сына вызвали. Из командировки. Анализ на ДНК брали. В морге был неопознанный обгоревший труп женщины...

– И как?

– Экспресс-анализ не подтвердил идентичность. Полные данные будут только недели через две. Но экспресс-анализ, как говорит генерал, это девяносто девять процентов вероятности. Значит, нужно искать. Правда, еще не знаю, где и как...

– Да, в наше время люди теряются. Просто так теряются, и всё.

– Случается, что просто так, а случается, что и не просто...

– А в твоём случае?

– Есть подозрения, что не просто.

– Подробности расскажешь?

– Лучше не надо...

– Помощь нужна?

– Спасибо, Толя, если что потребуется, я обращусь. Тогда и подробности рассказать придется. Я знаю, что на своих друзей положиться могу.

– Можешь. И – полагайся. Мы же все, как тебе известно, люди без предрассудков. И не слишком стеснительные в отношении всяких авторитетов. А это важно.

– Я знаю.

Денисенко вздохнул и сел в машину. И Владимир Алексеевич услышал, как он оправдался перед остальными за продолжительность разговора:

– Наш командир категорически против того, чтобы как следует обмыть прошедшую операцию. А если командир против, я тоже настаивать не буду...

* * *

Дверь Владимир Алексеевич открыл своим ключом, который на время командировки оставлял в сейфе. В коридоре, в большой комнате и даже на кухне горел свет. Сын, услышав звук поворачивающегося в замке ключа, вышел встретить. Кирпичников-старший сразу заметил капитанские погоны на плечах Геннадия. Пожимая правую руку и одновременно обнимая свободной левой рукой, спросил:

– Очередную звездочку в тайне держишь?

– Думал по возвращении сюрприз преподнести... Только это не очередная, а внеочередная. До очередной мне еще, если помнишь, полтора года служить... После удачной операции присвоили. Оказалось, придется вместе с отцовской звездочкой обмывать... И у тебя, как я понимаю, тоже после удачной операции?

– Мне еще рано обмывать. Хотя сослуживцы и зовут полковником, приказ я еще не видел. Да и не в настроение все это...

– Да уж, пап... виноват, товарищ полковник...

Владимир Алексеевич разулся, разделся и прошел в комнату. Там царил обычный порядок – все выглядело так, словно Надежда была дома. Даже палас на полу был привычно пропылесосен. Геннадий, с детства воспитанный в болезненной любви к чистоте, видимо, хозяйничал к приезду отца. А вот и чайник со свистком подал сигнал с кухни. Сын хорошо помнил, что отец сначала пьет чай, долго пьет, и только потом ужинает. И пока Кирпичников-старший обходил квартиру, Кирпичников-младший поспешил на кухню. Скорее всего, так он стремился успокоить нервы отца, возвращая его, как он думал, в привычное ложе быта, – а в действительности его усилия только подчеркивали отсутствие в доме хозяйки. Но упрекать сына за старание, пусть и неумелое, тоже было нельзя. И Владимир Алексеевич понял это. Он прошел на кухню и сел пить чай вместе с сыном. Хорошо хоть, тот не догадался на время отцовского чаепития встать в дверном проеме плечом к косяку, как всегда делала мать...

Но одну традицию Владимир Алексеевич нарушил сразу: заговорил о деле до того, как сделал первый глоток:

– Генерал сказал мне, что ты уже предпринимал какие-то меры к поиску.

– Это слишком громко сказано, – хмуро ответил сын. – Серьезных мер я предпринять не мог – просто из-за недостатка информации. Ваш генерал намекнул, что у тебя есть какие-то соображения, хотя и просил на них не заикливаться, потому что ему самому они кажутся надуманными и случайными. Поэтому я ждал тебя. А сам пока обошел всех соседей, объездил всех родственников и знакомых. Извини, без разрешения твою машину взял...

– У тебя же доверенности нет. – Это была реплика не возмущения, а непонимания.

– Извини еще раз. Я сам ее написал и расписался за тебя.

– Но в страховку ты не вписан.

– Это да, здесь пришлось рискнуть, чтобы время не терять. В третий раз извини. В любом случае пронесло...

– В этом ты пошел в меня – я сам сделал бы точно так. Конечно, ничего не нашел?

– Если бы нашел, наверное, уже сказал бы.

– Да, конечно... Что соседи?

– Видели человека, приехавшего на машине. Долго был у нас. Точно дату не запомнили; помнят лишь, что машина с иногородним номером. Не московская. Я подозреваю, что это было еще до твоего отъезда.

– Да. Это меня дожидался следователь из следственного отдела ФСБ, нехороший молодой человек. Именно его я подозреваю. Я в тот вечер его за дверь выставил и не слишком добро с ним общался. У него глаза подлые, он может любую гадость устроить.

- Какие у него причины для устройства гадостей?
- Я объясню чуть позже... Что про Виктора знаешь?
- Про дядю Витю?
- Да.

– Острая сердечная недостаточность. И помочь было некому. Хотя и среди дня случилось, а найти в деревне, видимо, было некого. Там, на деревенском кладбище, и похоронили. Семья его так распорядилась. Не захотели в Москву везти.

Жена у брата была вторая. Дети были не Виктора, а от ее первого брака и с отчимом не слишком дружили. Таких похорон и следовало ожидать. Вопрос был в другом.

- Что – среди дня?
- Умер среди дня. По заключению экспертизы, около одиннадцати часов утра. Точнее, между одиннадцатью и двенадцатью.
- Скажи-ка мне вот что... Как долго может длиться сердечный приступ?
- Не знаю. Со мной не случалось.
- Со мной, к сожалению, тоже.
- Почему к сожалению?
- Потому что иначе я знал бы ответ на этот вопрос... Но предполагаю, что не половину дня. Это уже не приступ, а болезнь.

– Я тоже так думаю. Предполагаю, что никак не больше часа.

– Тогда приступ должен был случиться с Виктором на рыбалке. Он ни одного утра не пропускал, чтобы на рыбалку не пойти. Даже в мои приезды со мной не оставался, а уходил на Волгу. Для него это было чуть ли не главным в жизни. Страстный человек, который принадлежит не себе, а рыбалке. Это даже больше чем футбольный фанат...

- Мне это трудно понять. Я не фанат и не рыбак.
- Мне – тоже, но я наблюдал это своими глазами... Однако если бы приступ начался на реке, брат не смог бы дойти до дома.

– Так далеко?

– Нет, недалеко, но берег крутой и высокий. Там есть деревянная лестница, по которой даже я, человек со здоровыми сердцем и легкими, поднимался в два захода. До середины поднимусь, отдохну – и дальше. А при сердечном приступе подняться, мне кажется, вообще невозможно.

– И что? Это значит, что дядя Витя...

– Пока это ничего не значит. Но может значить многое... В деревне ты не был?

– Нет. Хотел съездить, но не успел. И еще побоялся, что не проеду. В тех краях, как я узнал, сильные снегопады были; по телевизору передавали, что все дороги завалило. А есть необходимость?

– Мне просто интересно, реконструкция церкви продолжается или нет?

– А какой здесь интерес? – Сын знал, что праздного любопытства отец лишен.

– Рабочие. До них дойти – пять минут неторопливым шагом. Даже во время сердечного приступа... В любом случае рабочие должны были видеть, если Витя утром уходил на рыбалку. Обычное время его возвращения – после двух часов дня. То есть должны были произойти какие-то чрезвычайные события, из-за которых он остался дома. И еще с ним была собака. Он мог бы собаку за людьми послать. Пес умный, он сумел бы позвать кого-то на помощь.

– И защитить? – спросил Геннадий.

– Вот этого не знаю. Пес громадный, под восемьдесят килограммов. Зализать может до смерти, а вот укусить – не знаю. Хотя лаял временами грозно. Наверное, и защитить сумел бы... Жалко, время упущено. Словно кто-то специально ждал, когда я уеду.

– Я так понял по твоему вопросу о дяде Вите, что это как-то связано с исчезновением мамы?

– Да, скорее всего, связано... Подозреваю, что так. Началось все с убийства священника – там, в деревне. Как раз в тот день, когда я оттуда уехал. Через несколько минут после того, как простился с ним.

– Рассказывай...

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Утро началось так, словно вся ночь прошла в разговорах.

– И куда же мама могла спрятать эти документы?

– Не знаю. Я их не видел и даже не знаю, как они выглядят. Я разговаривал с мамой в то время, пока самолет заправляли на военной базе в Гуареносе. Всё второпях, всё бегом, между служебными делами...

– Это где такая база? – спросил сын. – Не слышал.

– В Венесуэле, – коротко сообщил Кирпичников-старший.

– Вон куда тебя занесло, товарищ полковник... То-то я смотрю, загар у тебя экзотический. Бананами, как я понимаю, подкармливался?

– Бананов не видел; наверное, мы были в той местности, где они не растут... А с мамой я говорил с аэродрома военной базы, и разговор был коротким. Кажется, я посоветовал ей спрятать документы вне дома, при этом сказал, что документы эти важные. Она сама должна была найти место, куда их спрятать. Ты понимаешь, что ход моих мыслей, в отличие от оных генерал-лейтенанта Апраксина, может иметь только одно направление: эти документы настойчиво искали. Из-за них убили известного и любимого прихожанами священника; искали документы у моего брата, а не найдя, также убили. Я не думаю, что спецслужбам трудно найти препараты, которые вызовут смертельный сердечный приступ. Сам навскидку назову штук пять таковых, хотя пользоваться ими не доводилось. Значит, документы у Вити не нашли и стали проверять его контакты за последние дни. Выяснили, что он дважды ездил к нам и еще раз беседовал со мной, когда я уже летел над Атлантикой. Сделали вывод, приехали сюда. В результате пропала наша мама. Все это выстраивается в цепочку фактов, которые можно опровергнуть только в том случае, если предложить что-то другое, достоверно известное.

– Нам стоит искать документы?

– Сомневаюсь. Дома следов обыска ты не обнаружил. У Виктора в деревенском доме все было перевернуто в его отсутствие, а у нас – нет. Нынешние деятели вдумчиво искать не умеют. Возможно, мама сама отдала... Она хоть и жена и мать спецназовцев, все равно остается женщиной. Думаю, найти документы у нас надежды нет. Впрочем, делать окончательный вывод тоже не стоит. Предварительно следует кое-что узнать.

– Что именно?

– Если нас с тобой будут «доставать», значит, документов у них нет. Значит, мама их надежно спрятала. Если женщина спрячет, никто найти не сможет. И еще одно... На брата они могли выйти только через мать убитого священника, отца Викентия. Она передала Виктору документы сына. Жива ли она? Это тоже вопрос важный. Я, к сожалению, не знаю деревенских телефонов. В доме священника телефон был, в церкви был, но вот номера... Проще будет съездить. У меня три дня свободных.

– А потом Новый год, – напомнил Геннадий. – А после у всех рождественские каникулы, так что время у нас есть. Я тоже отпуск взял. Мне еще неделя оставалась до ротации, но вот вызвали; я потом созвонился, объяснил ситуацию. Приказали рапорт на отпуск по почте прислать. Шесть месяцев после командировки полагается, да у меня еще легкое ранение было, за это десять дней дополнительно. Я уже отослал.

– Что за ранение? – спросил отец, впрочем, не проявляя беспокойства. Будь оно серьезным, Владимир Алексеевич заметил бы.

– Два осколка в плече, с дальней дистанции. Я их сам плоскогубцами вытащил, но потом нагноение началось, пришлось в медчасть обратиться. Хотели положить на три дня, я отказался. Но ранение документально зафиксировали.

– Нормально, заживет. Ну что? Поедем в деревню?

– А что нам остается? – пожал плечами Геннадий. – Если оттуда все пошло, то там и концы искать следует. Здесь пока ничего не просматривается.

– Собирайся, – сказал Кирпичников-старший привычными приказным тоном.

* * *

Дорога оказалась вполне проезжей и слегка укатанной. Правда, только до околицы – дальше никто снег не убирал. Остановились, не доезжая деревни, на вычищенной площадке неподалеку от кладбища. Наверное, кого-то совсем недавно хоронили, уже после гибели иерея Викентия и после похорон Виктора Кирпичникова. Может быть, из двух семей, что жили здесь круглый год вместе с Виктором. Одна семья, помнится, была коренной, вторая приехала из города. Какой-то профессор, доктор химических наук, вышел на пенсию и поселился поближе к природе, чтобы поправить здоровье. Планировал только на лето, а остался насовсем. С обеими семьями Владимир Алексеевич был шапочно знаком, но за время своего короткого визита к брату коротких отношений ни с кем не завел. Ни времени не осталось, ни настроения. Так, несколько малозначащих разговоров, и все...

Рябой от сброшенной на него печной золы сугроб рядом с домом был по краю утоптан множеством ног. И не валенками, в которых зимой в деревнях ходят практически все, а городской обувью. Впечатление было такое, что несколько человек не могли разойтись на узкой тропинке между двумя сугробами. Один из них был срезан большой деревянной лопатой, стоящей здесь же, около забора из штакетника; второй был более пологим, и потому наступали именно на него. Следы выглядели относительно свежими, недавние снегопады не занесли их.

Владимир Алексеевич с Геннадием остановились, чтобы рассмотреть место. За забором залаяла собака. Пес был не слишком большим, но очень злобным; и окрасом, и экстерьером он напоминал бы кавказскую овчарку, если бы не размеры. А раз собака сидела во дворе и охраняла дом, у Владимира Алексеевича появилась надежда, что с матушкой все в порядке. Он подошел ближе к калитке, предоставив сыну возможность как следует разобраться со следами, и увидел на двери большой висячий замок. Ступени крыльца были лишь слегка припорошены снегом – так, словно бы порошу ветром с крыши нанесло. Значит, дома никого не было, и стучать в калитку было бесполезно. Если бы матушка вышла во двор по хозяйским делам, то не стала бы вешать замок.

Собака все лаяла, гремела цепью, вертелась кругом на узком участке между калиткой и домом. Незнакомцы у забора сторожевому животному явно не нравились.

– Покормить бы ее чем, – сказал Геннадий. – Голодная, наверное, псина.

– Надо подкормить, – согласился Кирпичников-старший. – Попозже, после кладбища, съездим в магазин, купим что-нибудь. А пока с людьми поговорим. Вон, один из местных пожаловал, этот должен все знать.

К ним уже спешил по узкой тропинке, сильно косолапя и поскальзываясь, Трофимыч – старик неопределенного возраста. Владимир Алексеевич знал только его отчество. Подойдя ближе, Трофимыч, сузив мутные подслеповатые глаза, окинул взглядом людей в военной форме.

– Никак Владимир Алексеич пожаловал? – словно боясь обознаться, спросил он.

– Он самый, Трофимыч, он самый.

– Только сегодня о тебе думал. Как же, думаю, брата похоронить не приехал... И батюшку нашего отца Викентия не хоронил, и брата родного...

– Я в командировке был, за границей. Мне даже не сообщили. Узнал, только когда вернулся. И сын мой вот тоже – не знал. Он на Кавказе в командировке был. Оттуда вызвали, да уже поздно. Познакомься, это – Геннадий. А это – Трофимыч, добрый человек, старейшина в этой деревне.

– Нет, – не согласился Трофимыч. – Профессор меня почти на три месяца старше. Старейшина у нас он. Он и мудрый, ему положено так называться.

– Так он же не местный, а ты здесь коренной...

– Теперь и профессор у нас тоже местный. В Москву даже заглядывать не хочет, жена его моей бабе вчера жаловалась. Не любит Москву. Оно и понятно. Дураком нужно быть, чтобы такой воздух на московский променять... А он у нас не дурак. Дураки тоже, слышал я, профессорами становятся. А наш – сообразливый, с понятием...

– А где матушка-то? Я хотел заглянуть, соболезнования высказать.

– А увезли матушку. В больницу увезли, в «психушку», сказали. Даже связали – и в машину. В эту, как ее... В смирительную рубашку укутали. Большой такой мешок с рукавами. А я вот хожу, за домом присматриваю да собаку подкармливаю. Псина-то суровая, никого не подпустит, приходится с лопаты кормить. Через забор. Да ничего, я приспособился.

– А что с матушкой-то случилось? – не понял Владимир Алексеевич.

– Я же говорю, «Скорая помощь» приехала. Санитары связали ее и увезли.

– Так... Чтобы в «психушку» человека отправить, причина нужна. Какие-то поступки неадекватные... И кто-то ведь эту «Скорую помощь» вызвал?

– Я не вызывал, и профессор не вызывал. Моя баба с его бабой говорила – не вызывал. Должно, сама матушка позвонила, так я думаю. Больше некому.

– А рабочие в храме? – спросил Кирпичников-старший.

– Их как увезли, когда батюшку убили, после этого они только за вещами приехали – и сразу, в тот же вечер, по домам. Без хозяина что за работа? Тем более в храме. Это не баню построить. Они мужики-то хорошие, могли бы и без денег работать, и работали же, когда денег не было. Не рвачи какие-то. Но так ведь им сказать надо, что делать. Храм ить, можно такого наворотить...

– Странная история с матушкой приключилась... – задумался Владимир Алексеевич. – Ну, ладно. Ты, Трофимыч, знаешь, где брата моего похоронили; проводи, покажи. И батюшку тоже...

– Пойдем. Рядом они похоронены. Потом еще старуху привезли с другого берега, из города. Я что-то и не упомяну ее. Родителей ейных помню, а ее самую, так нет. Пойдем, Геннадий...

* * *

Навестив две свежие, но уже изрядно засыпанные снегом могилы на кладбище, отец с сыном сильно расстроили Трофимыча, отказавшись от его предложения навестить профессора, который, как «бывший ученый-химик», научился делать потрясающий, на взгляд старика, самогон, распрощались со своим проводником и выехали от кладбища на дорогу – вернее, на то, что ею называлось. Но старенькая, выдавшая все «Нива» со своей задачей справлялась, оправдывая гордое звание внедорожника.

– Что делать будем? – спросил Геннадий, включая пониженную передачу.

– Искать... Проверять... Для начала заедем в областную психоневрологическую больницу. В районах, насколько я знаю, таких больниц не бывает. Там есть неврологические отделения,

но серьезных больных в них не держат. А если уж смирительная рубашка потребовалась, то матушку сразу отнесли к серьезным больным. Это все равно по дороге в Москву.

– Знаешь, где она находится?

– Я знаю только проезд через областной центр. Но язык, говорят, до Киева доведет, так что порасспросим людей...

– А что нам скажут?

– Узнаем, где матушка и что с ней случилось. У меня есть опасения, что в «психушке» мы ее не найдем. В районной больнице искать тем более нечего – но мы по пути и туда заглянем, чтобы не оставлять шансов пресловутому «а вдруг».

– У меня есть точно такие же опасения. Но отрицательный результат – это тоже результат.

– И даже более, может быть, важный, чем положительный. Совокупность косвенных улики может составить недостающую прямую улику.

– Не понял, – признался Геннадий.

– Наша задача, товарищ капитан, какая?

– Какая, товарищ полковник?

– Маму отыскать.

– Это понятно.

– Если мы будем уверены, что и матушку из деревни увезли неизвестно куда, то можно более обоснованно предположить, что это звенья одной цепи.

– Едем, – упрямо стиснул зубы Кирпичников-младший. – А это кто?

– Трудно сказать. Гости сюда редко навещаются... – Владимир Алексеевич даже слегка наклонился, всматриваясь вперед.

«Нива» уже преодолела половину дороги до грунтованного шоссе районного масштаба, которое уже можно было с полным основанием называть дорогой, но навстречу ей шел, как крейсер по морю, большой внедорожник, не слишком смущающийся трудностями снежной трассы, причем двигался на значительной скорости.

– «Ленд Крузер», – сказал Кирпичников-старший. – У моего генерала такой. И цвет такой же.

– Нет, – не согласился Кирпичников-младший. – Это «Лексус». Знак отсюда не вижу, но у «Ленд Крузера» клиренс² фиксированный, а у «Лексуса» пневмоподвеска. Смотри, какой он высокий – явно на пневмоподвеске идет.

– Значит, не генерал. И то я думаю, что здесь Виктору Евгеньевичу делать... Наверное, на площадке остановится.

Примерно в середине дороги, рядом с поворотом, бульдозерист, убиравший снег, сделал небольшую площадку, чтобы машины имели возможность разъехаться. На нее-то и обратили внимание отец с сыном, когда ехали к деревне. Но большой внедорожник и не думал останавливаться. Его водитель гнал и гнал вперед, уверенный, что ему уступят дорогу, хотя «Ниве» свернуть было некуда. Это уже походило на преднамеренный конфликт.

Геннадий остановился.

– Кто-то очень наглый.

– Что встал? Давай вперед, – приказал отец.

Сын послушно включил передачу и опустил сцепление.

Машины встретились, остановившись одна от другой не более чем в полутора метрах. Кирпичниковы вышли первыми. Обыкновенная водительская вежливость требовала от водителя «Лексуса» оценить ситуацию и остановиться на расчищенной площадке, чтобы пропустить «Ниву». Это нерегламентированное правило, и все водители стараются его соблюдать. Отец с сыном стояли и ждали, однако из большого внедорожника никто не выходил.

² *Клиренс* – расстояние от дорожного покрытия до нижней точки автомобиля.

– Мне это не нравится, – сказал Владимир Алексеевич. – Между машинами не заходи, пошли по бокам.

Но едва они сделали по шагу, как все дверцы «Лексуса» распахнулись и на дорогу вышли четыре человека. Судя по манере держаться, они были очень уверены в себе. Все были среднего роста, но крепкие, выглядели спортивно. И без раздумий и сомнений двинулись навстречу офицерам. Владимир Алексеевич сразу обратил внимание на то, что только водитель был русским, остальные – кавказцы. Водитель, несмотря на зимнее время, носил на голове зеленую армейскую бандану, словно подчеркивая свой статус. Кавказцы были в спортивных шапочках. Судя по движениям, намерения экипажа «Лексуса» были явно агрессивными. Двойное преимущество в количестве могло сказаться на открытом пространстве, остававшемся между машинами. А рядом с двигателем «Лексуса», сбоку, был только узкий проход до высокого сугроба. Два человека встать рядом там не смогли бы. И потому, сразу верно оценив ситуацию, отец с сыном, не сговариваясь, одновременно торопливо сделали еще по паре шагов. Воспитанники одной боевой школы действовали и мыслили по схожей схеме. Их позиция была выгодна тем, что они не шагнули за ту линию, за которой начиналась теснота, а потому могли маневрировать, защищаться и наносить удары по полной программе.

Владимир Алексеевич все же надеялся, что будут соблюдены хотя бы какие-то приличия, которые в подобной ситуации сводятся к разговору, пусть и ведущему к драке. Но сейчас на это и намек не было. Водитель, держа в руке газовый баллончик и пытаясь привлечь к нему основное внимание противников, сразу попытался нанести удар ногой, который полковник Кирпичников легко блокировал, а саму ногу тут же прижал к высокому капоту внедорожника, оставив соперника стоять враскорячку – идеальная поза для нанесения самого болезненного для мужчины удара. Церемониться и проявлять благодушие Владимир Алексеевич не стал и нанес выпад предельно коротко и резко, с выбросом накопившейся энергии. Водитель пытался было выставить руку, чтобы заблокировать удар, но лишь сломал себе палец; раздавшийся хруст был тут же заглушен диким воем.

Второй противник церемониться не стал, двумя руками отшвырнул водителя в сугроб и, выставив руки перед собой, бросился вперед. По его стойке Кирпичников-старший сразу определил борца-вольника, совершающего классический «проход в ноги». Отскакивать в этой ситуации бессмысленно – борец обладает цепкими руками и хоть за пятку, но ухватить успеет. К тому же бросок вперед – всегда более скоростное движение, чем отскакивание. И потому Владимир Алексеевич просто нанес встречный удар коленом в брегму³. Во всех спортивных единоборствах такой удар, естественно, запрещен, и потому спортсмены, даже специалисты по смешанным единоборствам, не приучены от него защищаться. Не сумел сделать этого и борец-вольник. Он как летел вперед, так и упал лицом в снег без движения. И полковник, наступив на него, двинулся дальше, чтобы обойти машину и оказаться за спиной у противников сына.

Геннадий тоже сразу понял, что имеет дело с борцами. К нему они тоже могли подступиться только по одному, и, чтобы этим воспользоваться, нельзя было отступать. Даже первый был намного мощнее и шире в плечах, чем капитан, и ладони имел, как экскаваторные ковши. Чувствовалось, что у него мощные, сильные, тренированные руки. А позади нависал еще более крупный соперник. Первый сразу встал в борцовскую стойку, слегка наклонившись вперед и выставив руки перед собой, желая схватить или за руку, или, если удастся, за шею, а там, в зависимости от обстоятельств, притянуть к себе или оттолкнуть.

Теснота прохода не давала возможности действовать корпусом. Но Геннадий сделал еще шаг навстречу, предпочтя пользоваться этим узким пространством и не выходить на открытое место. Он не стал заранее выставлять вперед руки, чтобы не дать противнику возможность

³ *Брегма*– место соединения лобовой и теменной кости черепа. Под теменной костью находятся участки коры головного мозга, отвечающие за координацию движений. Сдвиг теменной кости чреват полной потерей координации и параличом.

сделать захват за рукав бушлата, но одновременно с шагом вперед резким ударом развел руки противника, протискиваясь между ними, и одновременно большими пальцами нанес резкий удар по глазам. Выдержать такой удар не сможет никто. Борец с ревом начал сгибаться, когда Геннадий врезал ему коленом в челюсть. Удар получился на встречном движении и потому оказался особенно мощным. Кавказец сразу потерял сознание, и локоть капитана Кирпичникова, совершив круговое вращение, бил уже по бесчувственному затылку. Но удар наносился автоматически, отработанным каскадом движений, и останавливать его было бесполезно.

– Что, драться тебя в армии научили? – похохатывая, спросил второй противник.

Этот был самый высокий и мощный из всех; он прекрасно осознавал свою силу и поэтому был абсолютно уверен в себе.

– Мы все учились понемногу, – спокойно ответил Геннадий.

– Ну-ну... Посмотрим, что ты сможешь сделать против чемпиона мира по панкратиону⁴.

И он тоже попытался принять борцовскую стойку.

– Сынок, – сказал из-за спины чемпиона мира подоспевший полковник Кирпичников. – Мы служим в таких частях, в которых драться не учат. Нас учат только убивать. Тебе следовало знать это до того, как ты собрался вступить в драку.

На мгновение повисла пауза. Чемпион мира присел ниже. Он не ожидал, что окажется в окружении, и оттого слегка растерялся. Но ненадолго. Кавказец вдруг выпрыгнул с места, сразу взлетев на верх сугроба животом; съехал с него в обратную сторону, но быстро вскочил на ноги. Снег в поле оказался слишком глубоким даже для его длинных ног, но чемпион побежал, проваливаясь, падая и снова поднимаясь. Геннадий вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в снег перед собой. Это заставило чемпиона вдвое увеличить скорость, хотя, казалось, на глубоком снегу это сделать невозможно.

– Эй, а как же говорят, что кавказцы друг друга не бросают? – крикнул ему в спину полковник. – Где твоя гордость, чемпион?

– Еще как бросают, – усмехнулся Геннадий. – Сплошь и рядом с таким сталкиваться приходится. Там, на Кавказе...

2

– Этых надо оттащить от колес, – кивнул полковник. – У меня нет намерения кататься по их ногам.

– Оттащим...

Геннадий поднял своего первого противника, начинающего приходить в себя, не без труда заставил его выпрямиться и ударом кулака свалил лицом в сугроб. Потом за плечи вдавил голову глубже в снег, ухватился за ноги и перебросил борца на другую сторону. Таким образом, пострадавший проезду не мешал. Этим же порядком вдвоем с отцом они отправили подальше от дороги второго противника Кирпичникова-старшего. Парень, кажется, совсем потерял способность двигаться; был в разуме, но из-за паралича конечностей сильно перепугался, хотя говорил почти внятно и просил не убивать его, потому что у него дома мама одна осталась и, кроме сына, помочь ей некому. А у первого противника, сознание которого было сильно помрачено болью от тяжелой травмы, вытащили из кармана ключи от машины. Отец протянул их сыну.

– Отгони транспорт и освободи проезд, а я пока с ребятами пообщаюсь.

Работали отец с сыном слаженно и с полным пониманием. Геннадий сел за руль «Лексуса». Машина пошла задним ходом ничуть не хуже, чем ехала вперед. Влетев на укатанную

⁴ *Панкратион* – один из видов смешанных спортивных единоборств, представляет собой попытку реконструкции древнегреческого олимпийского рукопашного боя.

площадку, «Лексус» всей своей массой протаранил сугроб ничуть не хуже, чем это сделал бы бульдозер, вылетел в глубокий снег и надежно там застрял. Не удовлетворившись этим, Геннадий включил печку, кондиционер и все возможное освещение, но при этом выключил двигатель, чтобы не работал генератор. За двадцать минут такого интенсивного использования энергии сядет любой аккумулятор. Пусть после этого экипаж «Лексуса» ищет помощь в ближайшем населенном пункте. Впрочем, не факт, что она там найдется, потому что без гусеничного тягача тут не обойтись...

Выполнив задуманное, капитан пошел к отцу, который уже заканчивал допрос водителя, снимая происходящее с помощью камеры мобильного телефона. Естественно, пострадавший назвался коммерсантом, который ехал с деловыми партнерами, а агрессивность проявил потому, что его машине не уступила дорогу какая-то «Нива». Лучше ничего придумать на ходу было нельзя. Полковник Кирпичников поверил бы водителю, если бы предварительно не поговорил со своей второй жертвой, которую с трудом привел в сознание. Тот сразу сказал, что этот козел (кивок в сторону корчащегося неподалеку водителя) нанял их, чтобы те побили двоих парней. Хорошо побили, изуродовали. А они просто спортсмены, и все. Этот разговор тоже был зафиксирован с помощью трубки. Водителю во время первого допроса было, видимо, не до того, чтобы слушать чужие разговоры, иначе он подкорректировал бы свои слова. Тем не менее на вопросы полковника парень, скрипя зубами от ненависти, ответил. Владимир Алексеевич не поленился забраться во внутренний карман куртки водителя, нащупал под мышкой пистолетную кобуру, но ствола там не было. Видимо, команда «отбойщиков» считалась очень сильной, и уверенность в успехе была такова, что пистолет оказался лишним...

Напоследок Кирпичниковы вытащили из телефонных трубок нападавших sim-карты и сломали их.

– Номер «Лексуса» записал? – спросил полковник.

– Зачем? Меня память пока не подводит, – ответил капитан. – Машина, кстати, московская.

– Наверное, если принадлежит жителю Москвы... Поехали. Развлечения кончились. У нас еще дел нудных полно.

– Искать больных по больницам всегда нудно, – согласился Геннадий.

– А по таким больницам – еще и сложно...

* * *

Пятнадцать километров до райцентра преодолели, не встретив ни одной машины. На въезде в поселок попались то ли мастерские, то ли гаражи. Перед распахнутыми воротами стояло несколько грузовиков с поднятыми капотами, в стороне виднелись колесный и гусеничный тракторы. Рядом ходили люди. Геннадий свернул туда.

– Никак трактор собрался на выручку бандитам отправить?

– Нет, товарищ полковник. Пусть они сами себя выручают. Я только хочу спросить, где у них больница располагается.

– Нормально, товарищ капитан. Действуй.

Рабочие, завидев незнакомую машину, остановились, дожидаясь, когда «Нива» подъедет. На вопросы Геннадия отвечали долго, все сразу, размахивая руками. В конце концов Кирпичников-младший все уяснил и вернулся к машине. Только «Нива» тронулась, как у Владимира Алексеевича зазвонила трубка мобильного телефона.

– Здравия желаю, товарищ генерал! Слушаю вас.

– Могу тебя, Владимир Алексеевич, поздравить официально: пришел приказ на тебя и на других членов группы. Готовь стакан для звездочки⁵...

– Всегда найдется, товарищ генерал.

– Ты где сейчас находишься?

– С сыном возвращаемся из деревни. Навещал могилу брата. Его похоронили на сельском кладбище. Вы когда за мной приезжали, видели его в стороне.

– Да. Помню, было кладбище... Прими мои соболезнования. Новостей в деревне нет?

– Ищем.

– Опираешься все на ту же версию?

– Другой у меня просто нет. Ищу подтверждение своим мыслям.

– Не буду тебе мешать.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал? – очень серьезным тоном спросил Кирпичников.

– Слушаю.

– Что такое Департамент «Z»?

Генерал некоторое время молчал. Когда он заговорил, его голос выражал откровенное удивление.

– Понятия не имею. А что, есть такая организация?

– А что такое Департамент «Y»?

– Ты знаешь что-то про этот Департамент?

– Предполагаю, что такой существует. Если существует «икс» и «зет», между ними обязательно должен быть «игрек». Это математический порядок. Мы же не можем вести арифметический счет по системе «раз-три-четыре». Обязательно должно быть «раз-два-три». В буквенном обозначении – то же самое.

– «Игрек» существует, и с ними нам предстоит сотрудничать. Больше тебе ничего пока сказать не могу. А ты уверен, что и «Зет» существует?

– Я совсем недавно заглянул в документы капитана Кальянова из этого Департамента. Имел удовольствие познакомиться.

– Капитан Кальянов? Я знал старшего лейтенанта Кальянова из спецназа ВДВ. Он был одним из претендентов на то, чтобы стать твоим подчиненным. Но чем-то он меня не устроил. У него есть большая родинка на верхней губе?

– Есть. Касьянов Михаил Михайлович.

– Михаил Михайлович... Должно быть, кто-то идет по моим следам и забирает то, что не взял я, – сказал генерал. – И что?

– Касьянов вместе с тремя наемными бандитами, борцами с Кавказа, организовал нападение на нас с сыном. Совсем недавно.

– Это уже серьезно... Есть уверенность, что это не простая бытовая разборка?

– Я заснял показания на трубку.

– Нелишняя предусмотрительность. Сегодня на службу заглянешь?

– Есть необходимость, товарищ генерал?

– Нужно будет перебросить данные с трубки на носитель, так будет спокойнее. А вообще, нападение чем-то обуславливалось?

– Практически ничем. Сам Касьянов говорит, что ему не уступили дорогу там, где разъехаться невозможно, и это вызвало раздражение. Себя он назвал коммерсантом, кавказцев – деловыми партнерами. Правда, перед этим я допросил одного из кавказцев, так тот сказал, что «этот козел» нанял их, чтобы как следует изуродовать двух парней – нас с сыном то есть.

⁵ Старая армейская традиция, пришедшая еще из царских времен. При повышении звания новая звездочка кладется в стакан и заливается водкой; чтобы достать ее, водку следует выпить, а звездочка при этом достается зубами.

– Я тебя попрошу, Владимир Алексеевич, соблюдать крайнюю осторожность. И постараться избегать по возможности всех конфликтов. Даже словесных перепалок.

– Я, товарищ генерал, конфликтов по возможности всегда избегаю. Но в данном случае таковой не имелось. Мы были вынуждены защищаться. Один из нападавших, представившийся чемпионом мира по панкратиону, убежал, не вступая в драку, когда остался один против нас двоих. Остальных оставили там же, а машину загнали в сугроб. Пусть выбирают сами.

– Честно говоря, я был бы склонен предположить, что это какая-то случайность, если бы не показания нападавших. Что думаешь предпринять?

– Думаю продолжить поиски жены, товарищ генерал. И предполагаю, что мне постараются в этом помешать. Готов к жесткому противодействию. Вдвоем мы им не по зубам. Хотя, конечно, у них тоже есть специалисты.

– Как освободишься, заезжай. Я буду на месте допоздна. Все. У меня «красный телефон» звонит. До встречи.

«Красный телефон» в кабинете генерала был в действительности красным. Хотя телефонные аппараты с таким названием имелись у любого командира – они являлись прямыми телефонами для связи с руководством и вовсе не обязательно отличались цветом.

Владимир Алексеевич убрал трубку.

– Департамент «Z»? – спросил сын, который слышал весь разговор; ну, если не весь, то хотя бы слова отца пропустить мимо ушей он не мог никак. – И что это за Департамент?

– Не знаю. Я служу в Департаменте «Х». Считал, что существует всего один такой. Оказывается, есть также Департамент «Z», а кроме него еще и Департамент «Y», с которым, как только что сказал генерал, нам в недалеком будущем предстоит сотрудничать. Могу знать только то, что касается моей службы. Что до других Департаментов и всей этой новой системы, для меня это покрыто тайной не меньшей, чем для тебя. Похоже на то, что армия и старые силовые структуры кажутся правительству ненадежными и оно пытается создать новые. И не понимает при этом, что новые формируются из тех же людей. И в новых, и в старых есть и негодяи, и хорошие люди. Невозможно собрать штат из одних хороших парней, и через короткое время новые структуры ничем не будут отличаться от старых...

* * *

В приемном покое районной больницы просто сказали, что у них нет отделения для психических больных. Но, если вызывали «Скорую помощь», то, естественно, местную, и она могла отвезти больную в областную психоневрологическую больницу. Уточнить это можно на станции «Скорой помощи». Впрочем, если женщина состояла на учете в областной больнице, то санитаров вместе с машиной могли вызвать и оттуда, хотя такое случается редко.

На станцию «Скорой помощи» полковник Кирпичников все же зашел, хотя и заранее предполагал результат. И его предположения оправдались. Перелистав несколько страниц регистрационной книги вызовов, вызов в село Никола-на-Воложке не нашли. Не было зарегистрировано такого. Но дежурный врач опять сослался на областную больницу. Вызов мог поступить напрямую туда, но только в случае, если больная состояла там на учете.

Состояла матушка на учете или не состояла, этого полковник не знал. Дело осталось за малым – убедиться, что и в областной психоневрологической больнице ее нет. Но путь в Москву в любом случае лежал через областной центр. Владимир Алексеевич молча сел в машину. Геннадий тут же завел двигатель.

– Никаких, как я понимаю, следов...

– Ты правильно понимаешь, – сказал отец. – Что и следовало ожидать. Думаю, что и в той больнице нас ждет такой же результат.

До областного центра чуть более ста километров. Путь не самый дальний, но Геннадий старался ехать предельно быстро, насколько это позволяла скользкая дорога, потому что дело уже близилось к вечеру, а в это время что-то узнать практически невозможно. Врачи свято блюдут свой распорядок и в нерабочее время дают только платные консультации. Можно было бы получить и такую, но для этого следовало застать на месте хотя бы одного врача или дежурную медсестру в приемном покое. Поэтому отец сына к осторожности на дороге не призывал – сам понимал, что ехать следует быстрее.

* * *

В областном центре прохожие не могли объяснить толком, как проехать в больницу. Знали приблизительно, где она находится; кто-то даже сказал, на каком троллейбусе туда можно добраться, но из его путаных объяснений понять, где он ходит, было невозможно.

– Такси, – сообразил наконец Владимир Алексеевич. – Нужно у таксиста спросить. Можно заплатить, и за ним проехать.

Так и сделали. Таксист на стоянке был рад такой оказии, только плату потребовал сразу, словно сомневался в честности людей, не пожелавших стать его пассажирами. Впрочем, цена оказалась далека от московской. Вслед за такси добрались быстро.

В приемном покое к офицерам отнеслись уважительно. Спросили дату поступления, поискали в регистрационных книгах и, к удивлению полковника Кирпичникова, сообщили:

– Есть такая. Только...

– Что? – почувствовал полковник подвох.

– Она в шестнадцатом отделении.

Медсестра смотрела с каким-то особым видом, взглядом подчеркивая значимость своих слов.

– Шестнадцатое отделение – это хорошо или плохо? – переспросил Кирпичников.

– Это следственное отделение. Там содержатся преступники, которые находятся под следствием. Свидания с такими пациентами запрещены. Допускаются только следователи и адвокаты, но только в сопровождении санитаров. В шестнадцатом отделении у нас с порядком строго. Как в прошлом году один сбежал, так строгости и ввели. Все по инструкции.

– А кто может дать разрешение на свидание? – поинтересовался Геннадий.

– Только следователь по согласованию с заведующим отделением. Сегодня уже невозможно. Следователя искать нужно, а заведующий уже ушел. Он только до четырех, как и все завыв. Приходите завтра.

– Мы из Москвы, – сказал Геннадий. – Может, что-то возможно сделать?

– Вы родственники?

– Нет. Мы друзья ее сына.

– А... Я поняла. Тут много разговоров об этой женщине было. Это та старуха, которая сына-священника «заказала». Она?

– Что-что? – удивился Владимир Васильевич. – Матушка что сделала?

– «Заказала»... Убийцу наняла...

– Это кто такую глупость вам сказал? – Полковник не знал, смеяться ему или плакать.

Медсестра на эти слова обиделась.

– Глупость не глупость, это не моего ума дело. Приезжайте завтра. И пораньше... – И уткнулась носом в какой-то длинный, на несколько страниц, список, внимательно вчитываясь, словно старалась наизусть все выучить.

– А кто следователь у нее, не подскажете? – поинтересовался капитан Кирпичников.

– Все только у заведующего отделением. Я этого и знать не могу, потому что шестнадцатое отделение закрытого типа. Нас не оповещают. Извините.

Отец с сыном вышли на крыльцо и только там переглянулись.

– Одно хорошо, что с ней не случилось ничего худшего, – сказал Геннадий. – Хотя что может быть хуже такого обвинения...

– Господь посылает нам только такие испытания, которые мы в состоянии вынести, – сказал Владимир Алексеевич. – В этот раз послал матушке. И нам наши послал. Правда, всей глубины своих мы до сих пор не знаем... Поехали. Меня еще генерал ждет.

До Москвы ехать предстояло еще почти четыреста километров...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Стоянки для посторонних машина при базе Департамента «Х» не имелось – в ней просто не было необходимости. Сотрудники, которые приезжали на работу на своем транспорте, как правило, оформляли пропуска и ставили машины сразу за воротами. Владимир Алексеевич на своей машине на работу не ездил, потому что до гаража ему было добираться дальше, чем до места службы, и потому такого пропуска не имел. И вынужден был оставить машину с сыном за воротами. Впрочем, он надеялся, что пробудет у генерала недолго.

Апраксин ждал полковника у себя в кабинете. Работал за компьютером и, как только Кирпичников вошел в кабинет, развернул монитор так, чтобы полковнику ничего не было видно.

– Присаживайся, Владимир Алексеевич.

– Я ненадолго, товарищ генерал. Меня за воротами сын в машине ждет.

– Старший лейтенант... – Генерал показал, что с личными данными полковника хорошо знаком. Наверное, и не только в отношении ближайших родственников.

– Уже капитан. Внеочередное присвоили...

– В отца, похоже, пошел. А что во двор не заехали?

– Я пропуск не оформлял. Мне без надобности.

– Это дело личное. Трубку принес?

– Так точно.

Генерал нажал клавишу на селекторе.

– Владимир Иванович, зайди. А ты, Владимир Алексеевич, коротко напиши рапорт о происшествии. Поскольку ты у нас человек номенклатурный, личность, можно сказать, государственной важности, мы не можем игнорировать никакие происшествия, что с тобой происходят. Коротко напиши. Что вспомнишь потом, допишешь.

Генерал придвинул полковнику чистый лист бумаги. Ручка у Кирпичникова была своя. Но написать рапорт он не успел, хотя и начал. Меньше чем через минуту в кабинет вошел руководитель научно-испытательной бригады Владимир Иванович Авсеев. Поздоровался.

– Что перебрасывать нужно? – деловито поинтересовался он, принимая из рук Владимира Алексеевича трубку.

– Две последние записи.

Авсеев ушел, а Кирпичников коротко изложил на бумаге суть происшествия. Не забыл проставить точное время всего случившегося, потому что по армейской привычке все фиксировал в памяти. При определенных обстоятельствах временной момент может здорово сработать, поэтому приходилось быть всегда предусмотрительным.

Генерал убрал рапорт в сейф, стоящий у него за спиной.

– Что еще интересного в деревне? – поинтересовался он, но ответить полковник не успел, потому что вернулся Авсеев и возвратил трубку полковнику.

– Все в порядке, Владимир Алексеевич. Я перебрал файлы в вашу персональную папку во внутренней сети. Если хотите, можете переместить файлы в директорию, закрытую паролем.

– Это не настолько секретно, – сказал полковник. – Спасибо.

Авсеев вышел, и генерал поднял подбородок, предлагая полковнику начать рассказ. И Владимир Алексеевич поведал не только деревенские скудные новости, но и суть своих подозрений по поводу смерти брата. При этом он подчеркнул, что это лишь подозрения, хотя и имеющие под собой достаточно прочную основу. Рассказал и о том, где была обнаружена Кирпичниковыми мать убитого священника.

– Это уже слишком, – возмутился генерал. – Они что, пытаются доконать старую женщину? Или надеются выбить из нее сведения?

– Ну, методы, знакомые еще по практике КГБ, – пожал плечами Владимир Алексеевич. – Правда, Комитет имел лучших профессионалов и все провокации устраивал весьма ловко. Но у меня есть подозрения, что и мою Надежду спрятали каким-то подобным образом. Это уже стиль просвечивается, то есть школа. А от школы, которую они прошли, эти парни отойти не смогут. Уровень не тот, чтобы работать нестандартно.

– Я стал было задавать вопросы своему руководству, но меня «обрезали» – попросили не соваться не в свое дело, – сказал Виктор Евгеньевич. – То, что вопрос касается одного из ведущих специалистов моего Департамента, в счет принимать не хотят. Хотя категоричного запрета на действия мне тоже не дали. Значит, я имею право кое-чем тебе, Владимир Алексеевич, помочь. Я уже попробовал. И еще попробую узнать кое-что о судьбе матери священника. Что касается Департамента «Z»... Да, есть такой, действует еще меньше месяца. За основу взято несколько отделов головного управления ФСБ, которые и выделили в отдельную систему с широкими полномочиями. Но с полномочиями закрытыми, не имеющими под собой правовой основы, – впрочем, как и многие виды нашей деятельности. Занимается проблемами межнациональных и межконфессиональных отношений. Следовательно, как я понимаю, документы погибшего отца Викентия могут входить в сферу интересов «Зет». Система эта одного уровня с нами, противоборство может выглядеть некрасиво; тем не менее оно тоже возможно. А наши интересы для государства являются более важными, чем исторические факты почти вековой давности. Хотя те факты и способны вызвать всплеск религиозного противоборства... Вот так. У меня все. Остался незакрытым один вопрос – когда будем делать банкет по поводу получения очередных званий?

– Как только группа выйдет на службу после отпуска, сразу обсудим этот вопрос, – согласился Владимир Алексеевич, хотя ему явно было не до банкетов.

Генерал, конечно, это понимал, но намеренно уводил полковника от мрачных мыслей...

* * *

Кирпичников уже вставал из-за стола, чтобы покинуть кабинет генерала, когда у него зазвонила трубка мобильного.

– Извините, товарищ генерал, – Владимир Алексеевич посмотрел на определитель номера. Звонил сын. Этот звонок Геннадия, знающего, что отец сейчас у генерала, мог быть вызван только каким-то экстраординарным событием, в которое, возможно, даже генералу стоит вмешаться. И потому Владимир Алексеевич кабинет не покинул. – Слушаю тебя. Я у генерала.

– Папа, мне сейчас позвонили, – голос Геннадия звучал взволнованно. – Я свой номер оставлял у ментов в отделе розыска. В Ростовской области на дороге задержали женщину. Внешне похожа на маму. Полная потеря памяти. Вызывают нас на опознание. Предварительно требуют предоставить как можно больше фотографий, в том числе и домашних. Надеются, что она нас вспомнит и это вернет ей память.

– Я понял. Жди, сейчас выйду...

Полковник посмотрел на генерала. Взгляд был красноречивым, и Апраксин сразу понял, что требуется его помощь.

– Что случилось?

– В Ростовской области на дороге задержали женщину с полной потерей памяти. Похожа на мою жену. Нас с сыном вызывают туда на опознание и требуют предварительно предоставить как можно больше семейных фотографий в надежде пробудить ее память.

– Понятно, – сказал генерал. – Случаи амнезии встречаются достаточно часто. Я как-то смотрел статистику. В целом по России практически каждый месяц случается что-то подобное. И как правило, людей находят далеко от дома. Было возбуждено даже несколько уголовных дел, но следствие ни к чему не привело.

– Да, с методами, которые применяет следствие, я уже сегодня познакомился, – вяло сказал полковник.

– Не утрируй. Фотографии подготовь, но пока никому не передавай. Самому тебе с сыном ехать пока не надо. Я попрошу, пусть сначала вам вышлют ее фотографию. Запрос отправлю по «первой правительственной»⁶. Несколько фотографий. Надеюсь, вы-то в полной памяти и сможете определить, она это или нет. Если что понадобится, выделю вертолет Департамента. Ваше дело теперь – только ждать. Будет необходимость, пришлю за вами машину. Кстати, дома сразу включи компьютер и выйди в Интернет, чтобы я мог с тобой связаться и что-то переслать. Думаю, фотографии мне пришлют раньше, чем ты доберешься до дома. Сразу отправлю тебе. Пока иди.

Кирпичников не очень понимал, что сможет сделать генерал в этой ситуации, но, как опытный военный, разбираться в людях умел и знал, кому следует верить, а кому – нет. Генерал-лейтенанту Апраксину он верил. Виктор Евгеньевич не говорил того, чего не знает, и не обещал того, что выполнить не может. И вообще, обещание помощи со стороны генерала вселяло во Владимира Алексеевича уверенность в возможности удачного завершения начатого. Да и сообщение, которое получил сын, рождало надежду. Пусть амнезия – главное, чтобы Надежда была жива. Все остальное можно со временем поправить.

Кирпичников вышел на улицу. Вечером пришел мороз, а он, кажется, только сейчас заметил это. И не только это. Вспомнилось, что Новый год на носу, и откуда-то, как показалось, донесся знакомый с детства елочный запах. И вообще настроение вдруг поднялось, и представилось даже, что можно будет порадоваться Новому году, хотя совсем недавно он и не думал ни о каком празднике.

– Домой? – спросил Геннадий, когда отец сел на переднее пассажирское сиденье.

– В гараж. Чтобы потом с машиной не возиться. Будет необходимость, генерал выделит машину. И даже вертолет пообещал. Это уже на свой страх и риск – хотя он, кажется, мало кого боится... Поехали.

Ехать предстояло через вечернюю Москву, традиционно загруженную в это время транспортом. Тем более в предновогодние дни люди старались подкупить что-то к празднику, и в магазины все отправлялись на колесах. Геннадий, привыкший к тишине улиц небольшого уральского городка, где стояла его бригада, на московских трассах чувствовал себя за рулем не слишком уверенно. И потому полковник вскоре сменил его.

Поставив машину в гараж, отец и сын двинулись пешком к ближайшей станции метро. По пути почти не разговаривали, держа эмоции в себе. Около самой станции какой-то человек, раскинув в стороны руки, вдруг радостно крикнул:

– Вовка!

И бросился обнимать Владимира Алексеевича.

Полковник Кирпичников легко отстранил человека от себя. Тот был явно не знаком ему, имел довольно потрепанный вид и вообще выглядел грязновато.

– Вы ошиблись. Мы незнакомы.

– Вовка... Петренко...

– Меня зовут Владимир, но я не Петренко, – спокойно сказал Владимир Алексеевич.

⁶ «Первая правительственная» – система срочности исполнения и связи, применяемая в государственных структурах еще со времен Советского Союза.

Глянул на сына, который держался настороженно, контролируя нештатную ситуацию, и двинулся мимо незнакомца к входу в метро. И только на эскалаторе, словно заподозрив что-то, похлопал себя по карманам и досадливо махнул рукой.

– Надо же так попасться...

– Что? – наклонившись с верхней ступени, спросил Геннадий.

– Это карманник был. Трубку из меня вытряхнул. Но сработал четко, спец...

В голову ему сразу пришла мысль о том, что этот спец работал явно по заказу. Трубка мобильного с записями допросов могла бы стать доказательством вины капитана Касьянова из Департамента «Z». И генерал-лейтенант Апраксин проявил завидную предусмотрительность, предложив перебросить саму запись на компьютер своего Департамента. Там материал будет, конечно, сохранен.

– Понимаешь суть? – спросил полковник.

– Запись допросов. Продолжение, – коротко изложил свою оценку капитан.

– Правильно. И дальше что-то будет... На перроне осторожнее.

– Хотел тебя о том же предупредить, – улыбнулся сын.

Два офицера спецназа понимали друг друга и без слов, и оба правильно оценивали ситуацию. Значит, они могли в любой ситуации положиться друг на друга.

Ехать пришлось через Кольцевую линию с двумя пересадками. И на каждой станции полковник с капитаном взаимно подстраховывали друг друга, заглядывая один другому за спину, и не подходили к краю перрона до того, как вагон полностью остановится. Предосторожность, может быть, и лишняя, но она естественная и обеспечивающая безопасность. Может быть, об убийстве речи пока и не шло, но могли попытаться избить, изуродовать – в общем, сделать последнее предупреждение. Скорее всего, после первой неудачной попытки нападения противник подкорректировал свои планы. Да и о посещении психоневрологической больницы ему наверняка уже известно... Короче, хорошего ждать не приходилось.

Полковник, сам опытный диверсант, прекрасно понимал, что если человека «заказали», то спасти его в состоянии только бегство. Но снайпер на чердаке соседнего дома всегда может решить проблему. Потом, карманник... В случае убийства Кирпичникова трубка мобильного с записью допроса была бы определяющим моментом в следствии. Сейчас трубки нет, и ситуация осложнилась. Несомненно, ее кража преследовала именно эту цель... Есть, выходит, в Департаменте «Z» такие интересные специалисты, которые Департаменту «Х» не нужны. Исходя из этого, логично предположить, что у «Зет» есть и другие специалисты криминального дела – например, квартирные воры, причем квалифицированные, способные вскрыть дверь так, что никто не заметит. И потому даже домой сейчас возвращаться следует с осторожностью.

Есть, конечно, возможность выставить другой щит – каким-то образом довести до сведения противника, что запись с трубки сохранена в другом месте. Но кому сообщить и каким образом – этот вопрос пока оставался открытым. И ответить на него можно было только с помощью генерал-лейтенанта Апраксина...

* * *

Выйдя из метро, Владимир Алексеевич обдумывал, как бы сообщить свою просьбу генералу и не выглядеть при этом беспомощным. Начальство не любит беспомощных спецназовцев. Но самому довести данные до Департамента «Z» полковнику Кирпичникову было не по силам, поскольку он не имел на эту организацию никакого выхода; не имел даже номера мобильного капитана Касьянова, чью sim-карту Геннадий просто переломил пополам.

– Будь внимательнее, – подсказал полковник сыну.

– Могут выставить снайпера, – подтвердил тот мысли отца.

– Могут.

- Могут в квартире засаду устроить.
- Точно.
- Могут дверь заминировать.
- И это тоже... Дай твою трубку.

Телефон, как оказалось, уже был у сына в руке. Геннадий предвидел, что отец будет звонить генерал-лейтенанту Апраксину.

Они уже подошли к своему дому и свернули во двор. Геннадий прошел на два шага вперед, а Владимир Алексеевич остановился, чтобы встать под светом окна, и стал набрать номер. Хруст снега под колесами машины и звук разгоняющегося на низкой передаче двигателя заставили поднять глаза и отскочить. Полковника спасло то, что он стоял лицом к машине и не потерял драгоценные доли секунды на поворот и оценку ситуации.

Геннадий стоял спиной и уже прошел несколько шагов. Но он даже не стал оборачиваться, понимая, что время терять нельзя. Стоя боком, капитан слегка присел, подпрыгнул и оттолкнулся ногой о капот автомобиля, легко перекатился по крыше на багажник, а с него, уже с небольшой высоты, свалился на припорошенный снегом асфальт. При этом он ударился спиной, что слегка оглушило его.

Полковник Кирпичников был без оружия, но вовремя вспомнил, где сын держит пистолет. Подскочив к нему и поднимая его одной рукой, второй полковник вытащил ствол и приготовился стрелять сквозь лобовое стекло, как только машина развернется. Однако автомобиль на той же высокой скорости пролетел через двор, распугивая гуляющих собак и их хозяев (кажется, одну из собак задавил), и скрылся за домом.

- Нормально, товарищ капитан? – спросил отец.
- Нормально, товарищ полковник, – ответил сын, стряхивая с себя снег и грязь...

2

После второго покушения не стоило ожидать засады или заминированной двери. Если бы что-то подстраивали дома, не стали бы посылать машину. Дублирование, как правило, присутствует в более мелких делах. Тем не менее отец с сыном остановились перед дверью квартиры и долго ее изучали. Никаких откровенных следов проникновения они найти не смогли и все же замок открывали с предельной осторожностью. Полковник поворачивал ключ, а сын в это время сдвинулся в сторону, чтобы в случае взрыва его не задело взрывной волной. Сначала капитан настаивал на том, чтобы именно он открывал дверь и входил первым, поскольку отец является более важным источником информации. Но Владимир Алексеевич в этом случае подвергать опасности жизнь сына не захотел.

- Я это дело начал, мне себя и подставлять. Отойди, – распорядился он.

Капитан выполнил команду, поскольку привык подчиняться не только отцу, но и вообще старшим по званию, и занял относительно безопасную позицию.

Опасения были напрасными. Дублировать покушение противник не стал. Сказался непрофессионализм. Сам Владимир Алексеевич подстраховался бы, зная, что работает против людей с высокой боевой подготовкой, способных избежать любой опасности... Что ж, тем лучше. Кирпичниковы отметили на будущее, что противник высококлассными спецами не обладает, а их самих, кажется, недооценивает.

Владимир Алексеевич обошел всю квартиру. Геннадий страховал его с пистолетом в руках, готовый выстрелить на любое движение спереди или сбоку. В квартире все было спокойно, и следов проникновения они не обнаружили. Дверь закрыли, оставив в замке ключ, причем оставили его повернутым вполовину второго оборота, что полностью исключало возможность выталкивания ключа. И лишь полностью убедившись в своей безопасности, они разделись, и полковник сел к телефону, чтобы позвонить генерал-лейтенанту Апраксину. Генерал

ответил сразу, словно ждал звонка, хотя звонил Владимир Алексеевич с мобильного сына, а этот номер Виктор Евгеньевич знать не должен.

– Слушаю, Апраксин...

– Товарищ генерал, это полковник Кирпичников.

– Да, Владимир Алексеевич. Ты дома?

– Только что добрались. С приключениями...

– Продолжение деревенских?

– Да. И замашки уже более серьезные.

– Докладывай. Это, кстати, что за номер?

– Трубка сына. Моя трубка уже у кого-то в руках. Как я полагаю, капитан Касьянов доложил о своей неудаче и о том, что я снимал допрос на трубку. При входе в метро меня бросился обнимать какой-то человек. Якобы обознался...

– Понятная ситуация. Карманник.

– Так точно. Трубка ушла вместе с файлами съемки.

– Тебе необходимо было после этого сразу вернуться на базу. Похищенная трубка – это для тебя как приговор. Они посчитали, что руки у них развязаны.

– Да, мы с Геннадием это просчитали. И потому решили быть предельно осторожными. Это нас и спасло. При входе во двор нас пыталась атаковать в спину на большой скорости легковая машина без номерных знаков. Насколько я понял, это была «Хонда Аккорд». Мы увернулись, и все обошлось. Стрелять по машине не стали, во дворе было множество людей ...

– Понятно. Это хорошо, что не стреляли. Сейчас вы дома?

– Дома. Двери, конечно, не бронированные, гранатометный выстрел не выдержат, но в целом достаточно крепкие. Мы считаем себя в относительной безопасности. Окна с крыш соседних зданий не просматриваются. Стрелять сквозь стекло невозможно. Перед нашими окнами строительный рынок, а за ним парк. И шторы задернуты плотно.

– Оставайтесь дома. Включи компьютер. Я уже переслал несколько фотографий, что получил из Ростовского областного УВД. Ответ пришли мне по электронной почте. Я не уверен, что смогу договориться по телефону с не знакомым мне руководством Департамента «Z», и потому поеду к своему руководству. А оно у нас, насколько я понимаю, общее. Я постараюсь надавить с этой стороны. Представлю к просмотру запись допроса. Время, конечно, позднее и предпраздничное, но вопрос срочный. Я постараюсь его решить. Жди...

Генерал отключился.

– И что? – спросил Геннадий.

– Как я понимаю, Апраксин пытается вынести вопрос о нашей с тобой безопасности на заседание кабинета министров или еще на какой-то аналогичный уровень, – усмехнулся полковник. – Включи компьютер, нам прислали фотографии из Ростовского областного УВД.

Геннадий бросился в отцовский кабинет. А сам Владимир Алексеевич задумался о том, к чему приведет вмешательство генерала. Существует два пути развития событий. Согласно первому, во избежание скандала и огласки Департаменту «Z» прикажут прекратить преследование Кирпичникова. При этом высшее руководство обязательно пожелает вникнуть в ситуацию и понять, чем это преследование вызвано. В этом случае полковнику предъявят претензии и потребуют от него в приказном порядке найти и передать утерянные документы убитого священника Департаменту «Z». А как их найти и как передать? И дадут ли какую-то информацию о пропавшей жене? Это все непонятно. Скорее всего, просто заявят, что подозрения Владимира Алексеевича совершенно безосновательны и к пропаже его жены Департамент «Z» никакого отношения не имеет. И в отношении брата заявят то же самое. Согласно второму пути, изначально все будет идти по тому же сценарию, только в завершение Кирпичникову предложат вернуть документы в обмен на Надежду. А он и не знает, где эти документы искать.

И придется тогда вертеться, ломать голову... Но мужчине всегда сложно искать то, что спрятано женщиной, потому что система логики у них совершенно разная.

Есть, конечно, и третий вариант развития событий, который тоже не стоит сбрасывать со счетов. Допустим, Виктору Евгеньевичу не удастся договориться ни о каких уступках и о мирном разрешении вопроса. Вот тогда Владимиру Алексеевичу вместе с сыном действительно придется очень трудно. Этот вариант вообще-то маловероятен, но право на существование имеет. И даже чисто гипотетически интересно просчитать, как поведет себя в такой ситуации генерал Апраксин. По характеру, по человеческим своим качествам он должен предупредить полковника. Но генерал – человек военный, и он может получить категоричный приказ. Тогда ситуация еще более усложнится. Но решать гипотетические задачи Владимиру Алексеевичу не хотелось, тем более что сын уже позвал его из кабинета.

– Она? – спросил полковник из дверей.

– Очень плохие фотографии. И камера плохая, и разрешение очень низкое. Наверное, для пересылки разрешение специально уменьшали, да и размер снимка – тоже. Я если что-то пересылаю, всегда так делаю. Но у меня камера хорошая, а ментам такие не покупают. Сам посмотри...

Владимир Алексеевич встал за спиной сына, положив руку на спинку кресла. С монитора на него смотрела женщина с отрешенным лицом, причем снимок был сделан с расстояния в несколько метров, а потом увеличен, и потому изображение было размыто. Схожесть была очевидна, но полноценной уверенности не было.

– Я очень сомневаюсь... – сказал Геннадий.

– Но похожа, – констатировал Владимир Алексеевич. – Давай другую фотографию.

Вторая фотография была сделана вполоборота; лицо, искаженное гримасой, было совершенно не похоже. Но голову женщина держала так, как обычно делала Надежда Павловна, – чуть наклоненной, отчего казалось, будто она смотрит исподлобья. Такой взгляд и такой наклон головы чаще бывает свойствен суровым мужчинам, нежели женщинам. И потому фотография опять вызвала сомнения, несмотря на непохожесть лица. Впрочем, Владимир Алексеевич сам хорошо знал, что узнаваемость часто связана с профессиональными качествами фотографа. А если съемку производит не фотограф, а просто человек, взявший в руки камеру только по необходимости, то результата можно ждать любого. Это раньше, во времена пленочных фотоаппаратов, когда требовалось не только фотографировать, но и пленки самому проявлять, и фотографии печатать, съемкой обычно занимался профессионал. А сейчас, во времена цифровой фотографии, каждый мент считает себя фотографом, и снимки получаются небрежными, невыразительными и зачастую искажающими действительность. С этим Владимиру Алексеевичу уже приходилось встречаться в служебных делах.

– Следующий снимок, – потребовал отец.

Сын сменил изображение. И опять снимок говорил мало. Впечатление было такое, будто фотограф намеренно ловил моменты, когда лицо искажает какая-то гримаса.

– Следующий снимок...

– Всё, – сказал Геннадий. – Только три снимка прислали.

– И что скажешь на это?

– Ничего не скажу. Ни «да», ни «нет». А ты?

– И я то же самое. Руки бы фотографу оторвать!

– Или тому, что приказал фотографу такие снимки сделать. Руки вместе с головой...

– Пусты меня к компьютеру, ответ генералу напишу. Он со смартфона прочитает.

Владимир Алексеевич уже знал, что генерал имеет привычку читать электронную почту со смартфона, хотя отвечать предпочитает с компьютера. Отправив сообщение, полковник откинулся на спинку кресла и попросил сына:

– Чай завари. Попьем, подумаем.

Геннадий ушел, а Владимир Алексеевич еще раз исследовал все три фотографии. Смотрел внимательно; вроде бы и узнавал что-то, и не узнавал одновременно. Вроде бы пришла в голову какая-то мысль, но сразу сконцентрироваться на ней не получалось. Чувствовалось, что-то не так в этих изображениях. Но что было не так, пока не укладывалось в рамки точной формулировки. И тут же пришло ответное сообщение от генерала: «Не поддавайтесь фрустрации. Буду у вас через три часа. Перед этим позвоню. Ждите».

Полковник вышел на кухню.

– Генерал будет у нас через три часа. Он человек пунктуальный. Через три часа нужно будет заварить свежий чай. Это – на тебе.

– Сделаю. Что еще говорит? О фотографиях.

– Предлагает не поддаваться фрустрации.

– А это что такое? Пьянство, что ли? – не понял капитан.

– Хуже. Это отчаяние от несбывшихся надежд, – объяснил полковник. – Поскольку мы работаем в Департаменте, который обеспечивает тесное сотрудничество армии с наукой, наш генерал часто вынужден общаться с ученым народом – вот и нахватался от них слов, которые я иногда вообще не понимаю. Приходится спрашивать. Оказывается, все просто...

– Но я тоже был прав, – хмыкнул капитан. – Пьянство часто порождается отчаянием. В современном российском мире люди пьют от отчаяния и от невозможности приложить себя, от невозможности сделать свою жизнь такой, какой хочется. Так, по крайней мере, в нашем городке. Живут те, кто торгует и ворует. И во власти работает. А простые люди в отчаянии...

– Я передам твое замечание генералу, – улыбнулся отец.

* * *

Геннадий до приезда Апраксина прилег отдохнуть. Все-таки «Нива», за рулем которой капитан проехал за день больше тысячи километров, для таких дальних поездок не слишком приспособлена, и водитель в ней основательно устает. Плюс к этому несколько небольших происшествий... Любого другого человека они лишили бы сна, но для офицера спецназа ГРУ казались нормальным явлением в период боевых действий. Поэтому Кирпичников-младший, за время многочисленных командировок в районы «горячих точек» привыкший к разного рода нестандартным ситуациям, легко уснул.

Владимир Алексеевич же, вообще человек бессонный, привыкший спать предельно мало, вернулся к компьютеру и снова открыл файлы с присланными фотографиями. Ему все не давала покоя мысль, за которую он не сумел зацепиться, которая уже почти далась в руки, но ее перебило сообщение от генерала Апраксина.

Однако, как это часто случается, когда особенно стараешься что-то вспомнить, теперь не удавалось ухватиться даже за след ушедшей мысли. И сколько полковник ни всматривался в фотографии, понять, что обеспокоило его и готово было вызвать вопрос, он не мог.

Пока сын спал, Владимир Алексеевич еще раз заварил чай – теперь уже покрепче, чтобы кровь по сосудам забегала быстрее. И это помогло. Кирпичников вдруг явственно увидел то, что вызвало его беспокойство. На первой фотографии, где лицо вышло нечетким лишь слегка, фоновое изображение было размыто значительно сильнее. Причем таким образом, что увидеть, где находится женщина, было невозможно. Такое изображение обычно дают хорошие профессиональные фотокамеры; резкость фокусируется только на одном объекте, расположенном близко, а остальные объекты выглядят нечетко. Но этот снимок был сделан явно плохой камерой, может быть, даже трубкой сотового телефона, которая принципиально не умеет наводить резкость и выделять какой-то объект. Тем не менее разница в размытии лица и фона была значительная.

Полковник перевел изображение в программу «Photoshop», сменил формат и там увеличил. И «Photoshop» наглядно показал, что над фотографией основательно поработали, чтобы затруднить узнавание. Но только ли узнавание? Пусть лицо пропустили через стандартный фильтр «Размытие». Может быть, даже дважды пропустили. А фон? А фон просто слегка размазали с помощью стандартного же инструмента «Палец». Только зачем это сделали? Непонятно. Если в Ростовской области обнаружили женщину, страдающую амнезией, если эта женщина походит по параметрам поиска на пропавшую Надежду Павловну Кирпичникову, то могли бы просто прислать нормальные фотографии. Но снимки получились такие, что на них трудно что-то разобрать. Причем сделано это явно умышленно. Зачем?

Ответ напрашивался сам собой. Полковника Кирпичникова и его сына кто-то намеревался заманить в ловушку. И потому страхуется, высылая такие фотографии. Вроде бы есть схожесть – значит, требуется ехать. А если с Кирпичниковыми что-то случится, легко будет отговориться: мол, фотографии оказались плохими, не было под рукой хорошего фотографа; требовали фотографии срочно, срочно и сделали как могли...

У той женщины наверняка есть какая-то схожесть с разыскиваемой Надеждой Кирпичниковой. И этим кто-то пытается воспользоваться. Да, вывод можно было сделать именно такой.

За спиной послышались шаги. Геннадий уже выпался. Остановился за спиной отца.

– Я вспомнил. Первая фотография... Самая крупная...

– Ну...

– Это мама. Но... Но это, кажется, из тех фотографий, что я отдавал в отдел розыска. Что-то там не так. Это какая-то темная история. А на других фотографиях, где мелко, там не она.

– А эта фотография, которую ты им дал, она где была сделана? Мама где находится?

– В большой комнате, за столом сидит.

– Тогда понятно, почему они фон размыли. Чтобы нас заманить, но убрать знакомые нам детали, иначе мы поняли бы. Все правильно.

Мобильник Геннадия подал голос. Он поспешил в прихожую, где оставил на вешалке свой бушлат, в котором и лежала трубка.

– Слушаю, капитан Кирпичников. Да... Да, товарищ генерал. Понял. Мы ждем вас.

Сын зашел в кабинет и положил трубку на компьютерный столик.

– Едет.

– Я понял. Заваривай чай...

Сын ушел на кухню, а Владимир Алексеевич попробовал просчитать, насколько может быть выгодным для Апраксина положение, в которое попал его подчиненный. И по всем параметрам выходило, что генералу это очень невыгодно. Значит, на Виктора Евгеньевича в сложной ситуации можно положиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Звонок в дверь застал Владимира Алексеевича сидящим за компьютером в поисках той фотографии, что сын передал в отдел поиска МВД, и дверь открыл Геннадий, оказавшийся ближе. Полковник Кирпичников встал, думая, что приехал генерал. Но оказалось, что это сосед по лестничной площадке Коля Трофимов.

– Извини, Генаха, что так поздно, – хриплым голосом сказал сосед. – Я на балкон вышел покурить, смотрю, свет у тебя. Слушай, проснулся, башка трещит... Выпить глотка не найдешь?

Владимир Алексеевич вышел к соседу.

– Нет, Коля, мы дома запасов не держим. Если б было, мы бы сами давно выпили.

Кирпичников-старший общался с соседом понятными для того категориями.

– А что, я сгонять могу! Было бы желание и бабки...

– Нет, Коля, желания. Извини.

– Как хочешь, Лексеич. Если что, я под боком. Я уже ложиться до утра не буду. Понадобится, звони. Я на ногу легкий. – Трофимов улыбнулся беззубым ртом.

– А что ты зубы себе не вставишь? Не старик еще...

Сосед был на пару лет старше самого Владимира Алексеевича.

– А на хрена? Есть все равно нечего. А пить я и так могу. Так даже лучше.

Когда-то Коля Трофимов работал наладчиком станков-автоматов на заводе АЗЛК. Был даже каким-то орденосцем и вообще личностью в почете. С развалом завода и потерей работы запил и сам развалиной стал.

– Хозяйку-то свою не нашли?

– Не нашли пока.

– А «Скорая» дня четыре назад не к ней приезжала?

– «Скорая»? – переспросил Владимир Алексеевич.

– Ну да, ночью. Я как раз домой от товарища возвращался. Часа два было. Смотрю, «Скорая» стоит. Два санитаря, здоровенные такие хари, бей – не промахнешься... только им бить не давай, потому что они точно не промахнутся... да... и врач. Я подумал, что к Филимоновне. Врач в военных брюках был. Летчик, что ли... Синие брюки, из-под халата видно. Потому и подумал, что из госпиталя для ветеранов.

Клара Филимоновна, ветеран Великой Отечественной войны, жила этажом выше. Болела, как и полагается по возрасту, и ей часто вызывали «Скорую помощь».

– Надо будет заглянуть к ней, – сказал Геннадий.

– Поздно, – констатировал Трофимов.

– Понятно, что поздно, – согласился с соседом капитан. – Днем загляну.

– Поздно, говорю. Ее через день после той ночи похоронили.

– А что ты про «Скорую» раньше не сказал? – спросил Геннадий.

– Да я видел-то тебя мельком. Ты расспрашивать к бабе моей приходил, меня не было...

Ладно, пошел я.

Сосед развернулся, Геннадий распахнул дверь, и тот вышел на лестничную площадку, издав тоскливый вздох. Голова, видно, болела сильно.

Полковник сел обратно за компьютер, чтобы все-таки найти нужную фотографию и сравнить два снимка. Это разрешило бы все сомнения. Сам Владимир Алексеевич имел привычку время от времени чистить «фотоальбом» в своем компьютере и выбрасывать некоторые фотографии. Но, если он не выбросил этот снимок, если Геннадий скопировал его, значит, оригинал

должен оставаться в компьютере, потому что за эти дни полковник Кирпичников за компьютер не садился и с фотографиями не работал. И нашел-таки. И даже сравнить успел. Сомнения отпали. Присланный снимок был сделан в «Photoshop'e» с существующего оригинала.

Следующий звонок в дверь заставил Владимира Алексеевича обогнать сына, выключить свет в прихожей и посмотреть в дверной «глазок». Свет выключался по простой причине. Когда открываешь крышку дверного «глазка», свет видно с другой стороны двери. Достаточно подставить к глазку пистолетный ствол и, когда свет закроет голова хозяина, выстрелить. При выключенном свете невозможно угадать момент, когда хозяин посмотрит в «глазок». Но опасения оказались напрасными. Это был генерал-лейтенант Апраксин, и не один. Сбоку от генерала стоял человек с большой спортивной сумкой на плече; лица видно не было, и потому полковник Кирпичников узнал его, только когда открыл дверь. Оказалось, Виктор Евгеньевич взял с собой заместителя Кирпичникова по хозяйственной части, бывшего прапорщика ВДВ Гималай Кузьмича Слепакова.

– Не разбудили? – сразу спросил Апраксин.

– Никак нет, товарищ генерал.

– Здравия желаю, товарищ полковник. – Слепаков, шагнув за порог, пожал руку сначала отцу, потом Геннадию, вышедшему в прихожую вслед за Владимиром Алексеевичем. – С наступающим всех. В беспокойстве Новый год встречаем. Лимит исчерпаем – следующий год спокойным будет. У меня такая личная примета есть. Всегда срабатывает.

Владимиру Алексеевичу показалось, что обычно немногословный Гималай Кузьмич пытается болтовней развеять напряжение. Это у него, впрочем, не получилось, потому что никто не отреагировал на его слова.

– Чаю... – предложил полковник. – Геннадий только что заварил.

– Спасибо, я уже столько кофе за вечер выпил, что организм больше жидкости не принимает, – отказался Апраксин. – Лучше сразу к делу приступим. А то мне дальше ехать нужно, еще кое-какие дела решить.

Прошли не на кухню, а в большую комнату.

– Начну со своих попыток разрядить обстановку. Довести до представителей Департамента «Z» сведения о том, что воровство трубки ничего им не дало, у меня получилось. Сейчас, Владимир Алексеевич, напиши рапорт обо всем случившемся, в том числе и о попытке сбить тебя машиной, чтобы я имел в случае чего документальные основания для возможности предъявить записи допросов. Это я тоже доведу до сведения соседей. Так будет безопаснее. Хотя они всегда могут отговориться, что это была личная инициатива капитана Касьянова. Однако такой факт будет выглядеть неубедительно.

Полковник, уже занявший место за письменным столом, сразу достал лист бумаги и ручку. Он понимал, что такой рапорт вполне может служить поводом для возбуждения уголовного дела, хотя не верил, что военная прокуратура сумеет и, главное, пожелает довести дело до логического завершения. Верить в справедливость прокуроров, считал Кирпичников, все равно что верить в реальность событий, рассказанных в телевизионных сериалах.

– Что касается остального, – продолжил генерал. – Не знаю, насколько действенными оказались мои усилия, но высказать свою позицию я смог, и это главное. «Третейский суд» состоялся, и он не вынес окончательного решения. Вопрос упирается в те самые документы, которые они разыскивают. Они их требуют, и «третейский суд» считает требования обоснованными.

– Значит, мама не отдала им документы? – спросил капитан.

– Если бы она отдала, нас бы не преследовали, – сделал вывод полковник. – Но что, товарищ генерал, делать, если я не знаю, где находятся документы?

– Вот потому я и считаю вопрос открытым. Следовательно, можно ждать дальнейшего обострения ситуации. И потому необходимо принять некоторые меры. Хотя бы предварительные. Гималай Кузьмич...

Кажется, генералу нравилось произносить эти колоритные имя-отчество.

Слепаков, шагнув вперед, поставил перед собой свою объемную сумку. С характерным звуком расстегнулся замок-«молния», и на свет появилось два больших белых пакета, из которых стали извлекаться пакеты поменьше, уже прозрачные, целлофановые, через которые просвечивало нечто камуфлированных цветов. Первые два пакета были самыми маленькими. Гималай Кузьмич легко вскрыл их и протянул полковнику и капитану по прибору, чем-то напоминающему трубку сотового телефона чуть увеличенного размера, но с креплениями, предназначенными явно не для ладони.

– Это электронный «врач-диагност», – объяснил Слепаков. – Инструкция к нему есть, но она на базе. Завтра можно будет взять в отделе. У меня не было доступа к чужому сейфу. Вообще-то инструкция еще полностью не переведена. Сначала переведут с английского, потом передадут нам. Но она и не нужна в принципе. Прибор американский, разработка Института солдатских технологий при Массачусетском технологическом институте. У американцев этот проект называется ISN. Полностью – The Institute for Soldier Nanotechnologies. Институт, как явствует из названия, занимается внедрением нанотехнологий в обеспечение безопасности армии. Но занимается разработкой не только в этой области, а и в сопутствующих тоже. Выдает для армии полностью готовый продукт. «Врач-диагност» крепится к обнаженному бедру двумя ремнями на липучке. Второй ремень, верхний, пропускается к брючному ремню. Прибор должен плотно прилегать к телу, чему способствует слегка вогнутая поверхность. Главное, чтобы шесть сенсоров прилегали к коже. Они и производят всю диагностику. Прибор, кстати, не только диагностирует организм, он еще и оказывает первую медицинскую помощь. Например, впрыскивает через кожу обезболивающие средства. Аккумулятор рассчитан на бесперебойную работу в течение трех суток, потом меняется. Имеется возможность для подзарядки. Зарядное устройство прилагается. Примеряйте... Первоначальное исследование организма проходит в нормальной обстановке при полностью здоровом теле в течение трех часов. Заносится на штатный носитель информации типа SDHC, который можно считать через любой компьютер с помощью адаптера. Три часа попрошу не снимать. На карте памяти будет все о вашем организме, от частоты пульса до содержания сахара в крови и анализа ДНК. Там, видите, есть маленькая, почти микроскопическая короткая игла. Через нее будет произведен забор крови. Надевайте. Игла так мала, что укола вы почти не почувствуете. Как только прекратится забор крови, игла уберется в прибор автоматически...

– Зачем нам это? – не понял полковник.

– Электронный «врач» – составляющая часть нанокостюма, – объяснил генерал.

Гималай Кузьмич вытащил еще два пакета, потом еще два.

– Брюки и куртка. К куртке при необходимости можно крепить погоны. Даже российские. Я проверял, размеры совпадают. Можно только пристегивать, конструкция это предусматривает. Что касается других знаков различия... Пришить к костюму какую-либо эмблему или что-то подобное невозможно. Можно только приклеить. Я сломал две иглы, когда пытался. Ткань вроде бы на ощупь мягкая, но не протыкается.

– А зачем это нужно? Что вообще такое нанокостюм? – спросил Геннадий. – Мне как-то удобнее в своем, в отечественном. Привычно, и не пачкается...

– Бронезилет, товарищ капитан, носить любите? – спросил Слепаков с легкой усмешкой.

– Бывает, что вынужден, – ответил Геннадий.

– А в городе? В Москве, например...

– Обстановка может оказаться такой, что придется, хотя не хотелось бы.

– А вот этот костюм, сделанный по нанотехнологиям, полностью заменит бронежилет пятого класса! Так говорят американцы. Впрочем, полностью заменить его он не может. Костюм, конечно, непробиваем для пуль, за исключением бронебойных, но от таких никакой жилет не спасет. Однако от простой пули, от осколков гранаты и даже мины костюм защитить может. Непробиваем, хотя, к сожалению, не имеет необходимой жесткой плоскости⁷. То есть по травмобезопасности приравнивается к жилетам первого и второго классов – иначе говоря, к бронежилетам скрытого ношения. Что это значит, вы понимаете, наверное, лучше меня.

– Сломанные ребра и конечности, гематомы... – вздохнул Кирпичников-младший.

– Так точно, – подтвердил Гималай Кузьмич. – Но это, сдается мне, лучше, чем пуля в теле... Так я продолжу. Удар костюм не смягчает, однако, если вы получаете перелом или сильный ушиб, это может вызвать болевой шок и, как следствие, потерю подвижности или ориентации – при попадании пули, скажем, в область печени или солнечного сплетения возможна потеря сознания, при попадании пули в голову, прикрытую капюшоном, потеря сознания и сотрясение мозга обеспечены. Для купирования подобных ситуаций на бедро вам крепится «врач-диагност», который в течение тридцати секунд дает оценку изменению состояния вашего организма, и другой блок «врача», уже не диагностический, а лечащий, вводит при необходимости мощные обезболивающие препараты⁸.

– К сожалению, – сказал генерал Апраксин, – я не знаю, чем занимаются наши специалисты по нанотехнологиям, но такого костюма они нам пока не предлагают. По моим ощущениям, они пока просто прокручивают в банках выделенные государством деньги, чтобы сколотить собственный капитал. Мы сумели добыть образцы самих нанокостюмов и технологические карты по их изготовлению. Это все попало и к нам, и в госкорпорацию «Нанотехнологии». Хочется надеяться, что и нашей армии перепадет что-то подобное и нам еще придется испытывать отечественные костюмы. А пока будем испытывать американские. Вот и случай подвернулся... Гималай Кузьмич, ты закончил?

– Так точно, товарищ генерал. К сожалению, закончил.

– Почему «к сожалению»?

– Я бы хотел предложить товарищу полковнику другую разработку американских нанотехнологов, но ее у нас пока нет. Она и в The Institute for Soldier Nanotechnologies пока только в стадии разработки, даже на испытания не выставлена. Короче говоря, американцы пытаются создать плащ-невидимку. Под этим плащом за счет преломления лучей можно спрятаться от любого взгляда. Наверное, даже от снайпера. Если такой плащ нам доставят, я с удовольствием принесу его вам. Вот теперь, товарищ генерал, у меня все.

– Тогда иди в машину, караулить будешь... – Виктор Евгеньевич протянул Слепакову ключи с брелком. – Открыть, надеюсь, сумеешь. Кнопки нажимать не нужно. Просто подходишь, и машина сама отключает сигнализацию. Садись и жди. Двери можешь заблокировать. А нам нужно кое-что обговорить.

* * *

Пока Геннадий провожал Гималая Кузьмича, Владимир Алексеевич начал писать затребованный генералом рапорт. Апраксин не мешал ему, терпеливо дожидаясь завершения работы. Молча ждал и вернувшийся в кабинет Геннадий.

– Готово, товарищ генерал, – Кирпичников-старший убрал ручку в стол и передал генералу лист бумаги. – Это в дополнение к первому рапорту.

⁷ Бронежилет 5-го класса составляется из прочных стальных пластин, принимающих на себя силу удара и распределяющих ее по всей поверхности пластины, что значительно снижает саму силу удара, изначально направленную в одну точку.

⁸ В настоящее время эти американские нанокостюмы проходят испытания в Ираке и Афганистане.

– Хорошо. И что там с фотографиями? Давай подробнее...

Полковник повернулся к компьютеру и открыл программу «Photoshop». Объяснение много времени не заняло и было наглядным и убедительным – особенно когда он выставил рядом две фотографии: оригинал и то, что из него сделали.

– Значит, ты подозреваешь, что у Департамента «Z» такие длинные руки...

– Если там работают бывшие сотрудники нескольких ключевых отделов ФСБ, могу предположить, что они не оставили свои связи на прежней работе. Ростовская область – как раз такой регион, где межэтнические, а следовательно, и межконфессиональные отношения требуют внимательного пригляда. Это уже Северный Кавказ. И потому у «Зет» там должны быть прочные корни. Допускаю даже, что специально набирали сотрудников, имеющих завязки в проблемных регионах. Кстати, какую политику должен проводить Департамент «Z»? Его ведь создавали с какой-то определенной целью... Просто присматривать за отношениями между людьми разных наций и религиозных взглядов – это в состоянии была делать и делает ФСБ. А отдельный департамент... С какой целью?

– Думаю, Владимир Алексеевич, на время своих отпусков я буду оставлять вместо себя именно тебя. Мы с тобой, я уже заметил, довольно часто мыслим в одном и том же направлении; значит, ты не напортачишь... Я уже сам задавал себе тот же вопрос. Задать его тому, кто в курсе дела, – это вне правил игры. Но, судя по методам, которые они уже демонстрируют в работе, хорошего от них ждать не приходится. ФСБ худо-бедно справлялась со своими задачами, да и сейчас ее соответствующие отделы не расформированы, просто туда переводят новых сотрудников взамен ушедших в «Зет». В чем смысл такого дублирования? Я думаю, со временем мы сумеем понять, что представляет собой эта система. Но только со временем. Пока же мы вынуждены сопротивляться им, не зная их общих интересов, но понимая частный. Значит, ты считаешь, что это ловушка?

– Несомненно, – сказал Владимир Алексеевич. – Я думаю, там нашлась какая-то женщина с амнезией, но они не могут прислать ее качественную фотографию, потому что мы сразу определим, что это не моя жена. Тогда они присылают два низкокачественных снимка той женщины, отдаленно похожей на Надежду, и один подлинный снимок жены, но изуродованный с помощью компьютера. Делается это с целью выманить нас туда, где на наше исчезновение сразу не отреагируют так, как отреагировали бы здесь.

– Размышления резонные, – согласился генерал. – И довод весомый, – он кивнул в сторону монитора, который все еще показывал две фотографии. – И что же ты думаешь делать?

– Я полагаю продолжать поиски жены, – твердо сказал полковник Кирпичников.

– А предложение, которое поступило от Департамента «Z»?

– Документы?

– Документы. Подумай, Владимир Алексеевич, хорошенько. Может быть, найдешь возможность логическим путем вычислить, куда твоя жена могла их спрятать.

– Как будто я не пытался, – вздохнул полковник.

– Попытайся еще раз. А я, в свою очередь – чтобы совсем у тебя совесть была чиста, – запрошу из Ростовской области видеозапись для опознания. Там будет сложнее смухлевать...

Генерал ушел, а полковник выглянул в окно кухни, выходящее во двор. Увидел, как Виктор Евгеньевич подошел к своей машине, как торопливо выбрался с переднего водительского сиденья Гималай Кузьмич и пересел на заднее. Тяжелый внедорожник неслышно отъехал.

– Хороший у вас командир, – сказал со спины Геннадий.

– Нормальный, – согласился Владимир Алексеевич...

2

Утром, выждав время, чтобы соблюсти приличия и не стать неожиданным гостем, Владимир Алексеевич поднялся этажом выше и позвонил в дверь к соседям. Открыла долговязая и неуклюжая, всегда суетливая Настя.

– Доброе утро, Настя. Можно к вам на минутку?

– Здравствуйте. Что, опять вас заливают? – спросила Настя недовольно, всегда готовая атаковать в ответ на любые претензии.

С полгода назад в квартире Владимира Алексеевича часто капало с потолка. Претензии, естественно, предъявляли соседям сверху. Оказалось, напрасно, потому что текла труба в стене дома. Но трубу в тот раз благополучно заменили, и больше, кажется, проблем не возникало.

– Нет. Я по другому вопросу.

– Заходите, – Настя распахнула дверь шире, и Владимир Алексеевич шагнул за порог.

– Извините, я знаю, что у вас произошло. Примите соболезнования. У меня вот тоже неприятности. Я в командировке был, а в это время Надежда Павловна пропала. Не можем найти. И по этому поводу у меня к вам вопрос. Клару Филимоновну когда похоронили?

– Три дня назад.

– А до этого за день или за два, ночью, около двух часов, «Скорую помощь» ей не вызывали?

– Нет. Мама уже две недели в госпитале для ветеранов лежала. Как отправили туда, больше не возвращалась.

– А не знаете, к кому ночью «Скорая помощь» приезжала? Может быть, слышали?

– Нет. Не слышала. Вам лучше на станцию «Скорой помощи» обратиться, там все вызовы регистрируются.

– Да, я понимаю. Но Коля Трофимов – он мне про «Скорую» и сказал – говорит, что у врача под халатом был военный мундир. Я потому и подумал, что машина приезжала к Кларе Филимоновне из военного госпиталя. В простой «Скорой помощи» военные не служат.

– Коля наговорит... Вы ему поменьше верьте.

– Говорит, что видел. И врач, и два санитары.

– Вот, точно – в глазах у него двоилось. В «Скорой» ездят только врач, фельдшер и водитель. Это вся бригада. Я точно знаю.

– Ладно. Спасибо. Извините, – Владимир Алексеевич попятился к двери. – Еще раз примите соболезнования.

– Я понимаю. Спасибо... А что, Надежда Павловна болела?

– Бывает так, что и не болеет человек. У меня в это же время брат в деревне... полковник в отставке... сердце прихватило, и умер. Вчера ездил могилу навестить... А вы давно Надежду Павловну видели?

– Ой, – Настя рукой махнула. – Я разве помню! Сегодня увижу – а буду думать, что неделю назад. Вы меня о таких вещах лучше не спрашивайте, все равно соврну. Видела... Кажется, вчера видела... Вечером...

Владимир Алексеевич громко вздохнул. В принципе ему и не стоило надеяться на память этой взбалмошной особы. Такие люди часто забывают, завтракали они или нет, и на всякий случай завтракают второй раз.

– Вчера вечером вы ее видеть не могли.

– Значит, это на прошлой неделе было. Не помню...

Настя опять рукой махнула. Владимиру Алексеевичу осталось только вздохнуть и выйти из квартиры. Тем более что из комнаты рвался выйти громадный и суровый тибетский мастиф

по очень подходящей ему кличке Саньда⁹, не отличающийся добрым нравом. И дверь в комнату грозила вот-вот раскрыться.

- С наступающим вас Новым годом, – сказал Владимир Алексеевич на прощание.
- Да, тридцать первое сегодня, – сказала Настя. – Найти вам жену в этом году...
- Ваши бы слова да богу в уши... – И Владимир Алексеевич перекрестился.

* * *

Геннадий ждал у двери в прихожей. Ничего не спросил, но взгляд его выражал откровенный вопрос.

– Клара Филимоновна умерла в госпитале для ветеранов, – сообщил Владимир Алексеевич. – «Скорую» к ней не вызывали. И вообще, Настя говорит, что в «Скорой помощи» бригада состоит из врача, фельдшера и водителя. А Коля нам говорил о двух санитарях... Нужно на станцию «Скорой помощи» съездить, посмотреть журналы регистрации вызовов. Иначе...

– Иначе что? – спросил сын.

– Не понимаешь?

– Догадываюсь. Иначе мне придется накрутить за рулем еще тысячу километров.

– Да, возможно, придется отправиться в новогоднюю ночь в гости к матушке покойного отца Викентия. Может быть, и еще с кем-то встретимся. Там, возможно, располагается какое-то отделение базы Департамента «Z». Прячут там тех, кого желают придирчиво допросить. И боюсь, с применением психотропных препаратов.

– После психотропных препаратов бывает...

– Все зависит от самого препарата. Они разного класса. Есть простые, типа скополамина, они только языки развязывают. Хотя для мамы он неприемлем – у нее гипертония, и скополамин ее сразу убьет. Он резко повышает давление. Это должен знать каждый врач. Думаю, если будут мерить давление – а это обязательно делают перед применением таких препаратов, – то врач не рискнет. Он знает, что это бесполезное убийство. Можно с тем же успехом ввести в вену цианид, результат будет один и тот же. А есть целая группа препаратов, которые вводятся постоянно и на протяжении длительного времени. Они полностью разрушают психику, и часто без возможности восстановления, но в итоге приводят к положительному для следствия эффекту. Значит, чем быстрее мы туда попадем, тем лучше. Но сначала все-таки на станцию «Скорой помощи». Этот вопрос необходимо выяснить до конца. Если ответ будет отрицательным, нам понадобится помощь. У меня есть помощники. Кстати, один из них со странным даром... Капитан Радимов.

– Костя? – спросил Геннадий.

– Ты его знаешь?

– Мы вместе в училище учились, только я – на курс старше.

– Так вот, Костя обладает некоторым даром провидения. Не всегда у него получается, но чаще да, чем нет. Стоит попробовать.

– Хочешь всю группу с собой взять?

– Нет. Только бывших спецназовцев ГРУ.

– Генерал, думаешь, согласится?

– Мы находимся на отдыхе еще двое суток. Третьего выходить на службу. Третьего и выйдем. А до этого вольны распоряжаться своим временем. Если генерал спросит, я просто скажу, что товарищи по прошлой службе помогают мне в поисках. Я не буду говорить, что

⁹ Саньда – боевой стиль китайской системы боевых искусств ушу, дословно переводится как «неканонизированный удар», «удар в вольном стиле», «удар от ситуации».

это только те товарищи, которые сейчас находятся в моем подчинении. Принцип Марко Поло. Знаешь такой принцип?

– Нет.

– Вернувшись с Тибета, Марко Поло написал книгу. И там было много правды. С одной стороны, сказать, что он обманывал, было нельзя. Но и говорить, что он писал исключительно правду, тоже было неверно. Например, Поло написал, что тибетский мастиф размером с осла. Тот самый тибетский мастиф, что живет этажом выше и стучит когтями над нашей головой. И это была правда. Тибетский мастиф действительно ростом с осла. Но с осла тибетского, который намного ниже европейского. Мы в жизни часто пользуемся методом Марко Поло, не задумываясь. Но иногда этот метод приходится применять и намеренно. Да, я говорю генералу не всю правду, но при этом оберегаю его от неприятностей. Он не сообщил мне, какие у него состоялись договоренности с руководством и с руководством Департамента «Z», а я намеренно не спрашивал. Возможно, ему высказали категоричный запрет на любую активность. Если я введу его в курс своих намерений, он будет обязан запретить мне действовать. А так у меня развязаны руки, да и генерал остается в стороне от событий. Обращаться к нему придется только в случае крайней необходимости. В этом случае я злоупотреблю генеральским доверием разве что в том, что воспользуюсь экспериментальным оружием своего Департамента. Но это будет чисто моим нарушением. Генерал опять окажется ни при чем.

Генерал-лейтенант Апраксин оказался человеком, легким на помине, – словно почувствовал, что о нем говорят. Он тут же позвонил на мобильник Геннадия. Капитан, ответив, сразу протянул трубку отцу и при этом с улыбкой развел руки. Полковник понял, кто звонит, даже не посмотрев на определитель.

– Слушаю, товарищ генерал. Здравия желаю.

– Утро доброе. Ночь прошла спокойно?

– Так точно.

– Чем сейчас занимаешься?

– Собрался обзвонить бывших сослуживцев, поискать, кто свободен и может составить компанию мне в моих поисках. Мне нужны опытные люди.

– Это хорошо. Продолжай. Не забудь, что третьего на службу.

– Я помню, товарищ генерал.

Апраксин отключился. Полковник сел в кресло перед городским телефонным аппаратом и сразу набрал номер своего заместителя. Через некоторое время на другом конце ответили:

– Подполковник Денисенко. Слушаю...

– Зачем общество в заблуждение вводишь? Пора привыкать говорить правду. Я своими глазами уже читал приказ министра обороны о присвоении тебе звания полковника. Можешь смело так и представляться. Отобрать у тебя звание уже не могут без приговора трибунала. Но я предлагаю тебе рискнуть и постараться обойтись без этого приговора. Возможно, будет нужна помощь, Анатолий Станиславович...

– Понял. По тому же делу?

– Да.

– Когда и куда прибыть?

– Ко мне домой по дополнительному звонку. Предположительно часа через два. Есть просьба. Созвонись и захвати с собой Валеева, Лукошкина и Радимова. Хорошо было бы, чтобы Бахтияр приехал на своей машине.

– А остальных?

– Пока больше никого.

– Я уже говорил со всеми. Готовы все.

– Я повторяю: никого. Для генерала – я привлекаю своих бывших сослуживцев. Не уточняя, кого именно. А Старогоров и Ставрова никогда не были моими сослуживцами. Не тор-

моши их. Хотя к помощи Ставровой, возможно, впоследствии придется прибегнуть... Ладно. Жди моего звонка. Мне сейчас нужно по делу съездить...

* * *

До гаража добрались без приключений, но на выходе из двора Владимир Алексеевич насторожился. Неподалеку стояла «Хонда Аккорд» одного цвета с той, что пыталась сбить вечером отца с сыном. Разница была только в том, что эта «Хонда» была с номерами. Номера московские, но это ни о чем не говорило – Кирпичников прекрасно знал, что номер на машине можно при желании поменять за несколько секунд, и многократно делал это во время городских учений.

Взгляд Геннадия говорил, что он тоже отметил эту темно-серую «Хонду». Но определить, та это машина или другая, возможности не было. По пути до станции метро то отец, то сын время от времени ненавязчиво посматривали себе за спину. Ненавязчиво – это, например, остановиться у газетного киоска и бросить взгляд на отражение в стекле... «Хвоста» за собой они не обнаружили, и это радовало. Впрочем, несильно – оба знали о существовании современных электронных систем слежения, при которых вовсе не обязательно чихать наблюдаемому в затылок. Но бороться с такими системами они возможности не имели и потому просто предпочитали соблюдать осторожность.

В этот раз до гаража добирались другим путем: от площади «трех вокзалов» две остановки на электричке. Все-таки электричка – такой вид транспорта, в котором больше возможностей контролировать окружающее пространство, чем в метро, и электронное слежение здесь производить из-за помех сложнее. Но заметить что-то подозрительное не удалось и сейчас. В гараже тоже все было спокойно. Владимир Алексеевич сам осмотрел машину на случай, если кто-то вскрывал гараж. И коробка передач была не вскрыта, о чем говорил слой пыли, который невозможно было бы нанести заново так аккуратно и естественно, и под днищем посторонних предметов не было.

Выехали в город, предпочитая передвигаться по небольшим улочкам, где легко контролировать ситуацию. Лишь через некоторое время пришлось влиться в плотный поток на проспекте Мира, но Геннадий удачно пользовался маневренностью «Нивы» и собственными навыками и продвигался быстрее других машин. Так добрались до своей станции «Скорой помощи», находящейся через два больших квартала от их дома.

Беседовать с регистратором пошел Владимир Алексеевич, а сына оставил в машине. Но Геннадию не пришлось долго ждать – полковник вскоре вернулся.

– За три дня посмотрели, в компьютере это быстро. На наш адрес вообще вызовов не было. А на наш дом за три дня был один вызов – в четвертый подъезд. Значит...

– Значит, новогодняя ночь нам предстоит веселенькая, – спокойно подытожил Геннадий.

– Будем работать, – подтвердил Владимир Алексеевич.

– Сейчас куда?

– Домой. Буду собирать свою гвардию...

* * *

Во дворе машину можно было оставлять без опасений – там всегда было много людей, да и из кухни двор хорошо просматривался. Вряд ли недруги Кирпичниковых захотели бы так рисковать. К окну отец и сын и в самом деле подходили достаточно часто – по очереди.

Сразу по возвращении домой Владимир Александрович позвонил полковнику Денисенко.

– Анатолий Станиславович, я созрел и жду.

– Мы тоже на чемоданах. Встречай. Я тебе небольшой сюрприз приготовил. Будешь доволен. Все, звоню Бахтияру. Он уже в гараже сидит, машину подготовил.

– Давайте. Сюрпризом, старый интриган, заинтересовал...

– Я почти на год тебя моложе.

– И даже несмотря на это, жду.

Теперь полковник Кирпичников подходил к кухонному окну даже чаще сына. И как раз подгадал к моменту, когда черный «Джип Рэнглер», наследник знаменитого военного «Виллиса», принадлежащий подполковнику Валееву и хорошо знакомый Владимиру Алексеевичу, въехал во двор и припарковался рядом с «Нивой». Внешне, на дороге, «Рэнглер» обычно выглядит почти миниатюрной машиной – наверное, за счет того, что он очень верткий и легко перестраивается из ряда в ряд. И только когда видишь его рядом с «Нивой», понимаешь, что это все-таки большой внедорожник, хотя имеет, как и «Нива», только две пассажирские двери и дверь багажника. «Рэнглер» – машина, официально считающаяся четырехместной. Полковник Кирпичников и ждал четверых сослуживцев. Но из машины вышли пять человек в зимних камуфлированных костюмах, в которых расцветка грязи сочетается с расцветкой снега. Кто был в компании пятым, Владимир Алексеевич не знал, и лица сверху рассмотреть было невозможно, но полковник предположил, что это и есть тот сюрприз, о котором говорил полковник Денисенко. Анатолий Станиславович – не тот человек, который будет устраивать какие-нибудь глупости. Значит, взял с собой нужного человека. Не дожидаясь звонка, Владимир Алексеевич сам вышел к двери, загодя открыл ее и слушал, как молча поднимаются по лестнице люди, не любящие пользоваться лифтом.

Когда уже был преодолен последний поворот лестницы, Владимир Алексеевич узнал пятого члена своего подкрепления, и глаза его довольно блеснули. Это был старый сослуживец, с десятков лет назад ушедший из бригады служить в отдельную мобильную офицерскую группу, то есть в непосредственное подчинение диверсионному управлению ГРУ, подполковник Вельчанинов – своего рода человек-легенда и проверенный воин. Легендой он стал благодаря умению договариваться с людьми. После недолгого разговора с, казалось бы, откровенным противником подполковник мог перевербовать его и уговорить работать на себя. Таким образом, у Вельчанинова по всему Северному Кавказу были разбросаны осведомители, и он один знал о положении в регионе лучше, чем все местные силовые структуры, вместе взятые.

– Теперь я могу не сомневаться в успехе нашего предприятия, – сказал Владимир Алексеевич, уступая дорогу группе. За порогом, закрыв дверь за капитаном Радимовым, вошедшим последним, поздоровался со всеми, а с Вельчаниновым даже обнялся.

– Было бы дело стоящим, а справиться мы с ним справимся, – за всех ответил Вельчанинов. – Если нам предстоит совершить государственный переворот, то, надеюсь, не в своих краях?

Кто не знал подполковника, мог бы предположить, что он – тот еще хвостун. А кто знал, был уверен: если он даже в одиночку захочет сменить династию на английском престоле, он это сделает. А уж с такой группой поддержки – тем более. Ростом чуть повыше небольшого, сухощавый, то вдумчивый и молчаливый, то стремительный и решительный, он умел всегда, если требовалось, принимать нестандартные и даже неожиданные решения; мало того, рядом с Вельчаниновым другие начинали действовать так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.